Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 32 2003 г.

По благословению епископа Задонского Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

В НОМЕРЕ:

КАК МЫ ПРИНИМАЕМ ХРИСТА
Проповедь епископа Задонского Никона

В ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА
Проповедь митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«Как вести себя в храме»

РАЗДЕЛЯВШИЕ РАДОСТИ И СКОРБИ
Из воспоминаний келейников свт. Тихона

ПО ЗЕМЛЕ СВЯТОЙ...
История паломничества

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским пустынником
Часть 2: «Об унынии»

СВЯТИТЕЛЬ МИТРОФАН

В ПАМЯТЬ ВЕЧНУЮ БУДЕТ ПРАВЕДНИК
Слово на панихиде

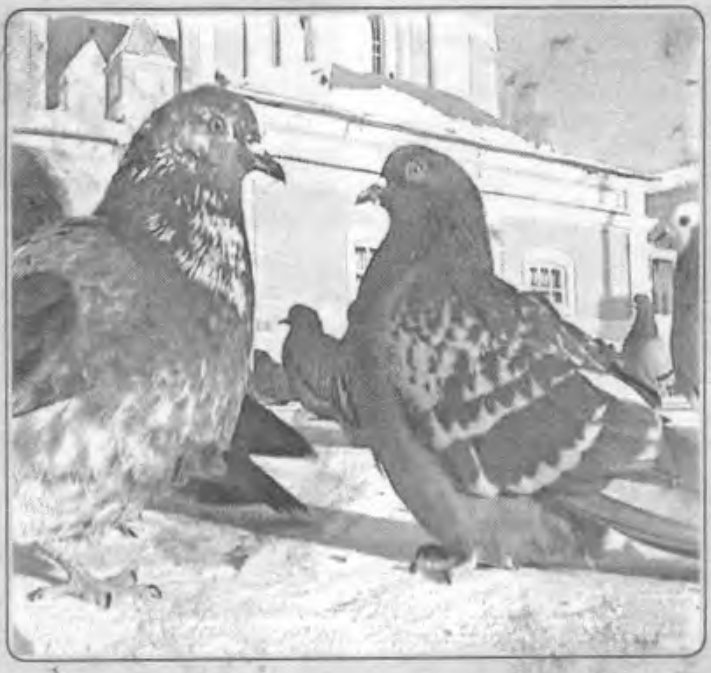
СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ТИХОНОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
Часть 2

КРАСНАЯ ТУШЬ
Рассказывают паломники

ПОДВИГ МОНАШЕСТВА
Почему для монаха важен обет целомудрия

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...



"Итак, будьте... просты, как голуби" (Мф. 10, 16). Господь почивает в простых сердцах! Золото везде видно и везде проглянет, несмотря даже на угловатость, а другой, как ни кудрявься, все золотом не будет.

Преподобный Амвросий Оптинский

Как мы принимаем Христа

Проповедь епископа Задонского Никона.

Христо-Рождественский собор, г. Липецк, 30 ноября 2003 г.

Вы не раз, вероятно, читали тот отрывок из Евангелия, в котором говорится, как Христос шел по стране Гергесинской и исцелил бесноватого. Бесы попросили у Него позволения войти в стадо свиное, которое паслось недалеко от этого места. Они вошли, и все свиньи, бросившись с крутизны, потонули, устремившись в Генисаретское озеро. И когда Спаситель приблизился к селению, то люди вышли из него и сказали Христу: «*Господи, отойди от предел наших*» (Лк. 12, 16-21). Сколько Он совершил чудес: пятью хлебами и двумя рыбами накормил семь тысяч человек, исцелял сухоруких, слепых, воскрешал мертвых! Так почему же люди такого великого пророка (как они считали) не приняли в свое селение? А причина проста: им стало жалко свиней. Увидев, что они потеряли свиное стадо, на которое возлагались, вероятно, большие надежды относительно пропитания, люди ужаснулись. Они испугались, что Спаситель, зайдя в селение, может принести им еще какой-нибудь ущерб в материальной жизни, так как они прекрасно понимали, что Господь пришел проповедовать Царство Божие. А для Царства Божиего не нужно ни богатство, ни слава, ни великие должности – нужно только наше покаяние, скромность и душевная чистота.

Так вот, дорогие, у каждого человека в жизни есть, образно говоря, своя свинья, которую мы страшимся потерять. Поэтому мир не принимает и до сего времени не принял Христа: мы не хотим, чтоб Господь вошел в наше сердце, ведь тогда нам пришлось бы оставить свою прежнюю греховную жизнь и ее услаждения. Господь посещает нас скорбями и болезнями, чтобы очистить от скверны, ведь больное тело не может делать греха. Но кому из нас хочется болеть? Кому хочется иметь скорби? И мы говорим: «Господи, отойди от предел моих. Отойди от меня – я хочу жить, как мне хочется,

как нравится. Я хочу наслаждаться земной жизнью, а Ты призываешь меня к молитве, к покаянию, смирению, терпению. А я не хочу терпеть, не хочу смиряться – я хочу жить в расслаблении и неге, в удовольствиях, в песнях и плясках. Я хочу иметь большое материальное имущество и наслаждаться им». И поэтому, если сейчас Господь зайдет к нам в дом и скажет, например: «Телевизор развращает тебя и твоих детей. Его нужно убрать», то, конечно, мы воскликнем: «Господи, а чем же я тогда буду заниматься в свободное время?! Ладно, летом – огород, сад, дачи… А зимой что мне делать? Господи, лучше Ты уйди от меня, а я буду жить, как живу».

Мы можем обвинять гергесинцев в том, что они не приняли Христа, но разве **мы** принимаем Его? Мы ставим подальше иконы, чтобы они безмолвно не укоряли нас в том, что мы все творим себе на погибель, а славе Божией – в безчестие. Безусловно, мы были очень рады, когда нас заставили убрать образа, приказали снять крест, и даже само слово «Бог» писать с малой буквы. Нам велели вообще не поминать это слово, считать, что у нас нет Бога, что это все мнимость. И мы обрадовались тому, что нам предъявили требования удалить от наших пределов Господа. Дескать, «мы не сами – нам приказали!»

Да и в настоящее время мы ставим маленькую иконку где-то в уголке, чтобы не видеть, как Спаситель с укором глядит на нас. Нам не нужно, чтобы Господь присутствовал в этой комнате. Нам и в храм-то ходить некогда. Мы не понимаем, что концерты и другие мероприятия созданы и создаются для того, чтобы не допустить нас в храм Божий. Нам стараются не дать пообщаться в молитве с Господом, потому что тогда мы очищаемся и избавляемся от своей «свиньи» – я имею в виду грязную и порочную нашу жизнь, которая все более и более удаляет нас от Бога, от спасения, от Царства Небесного…

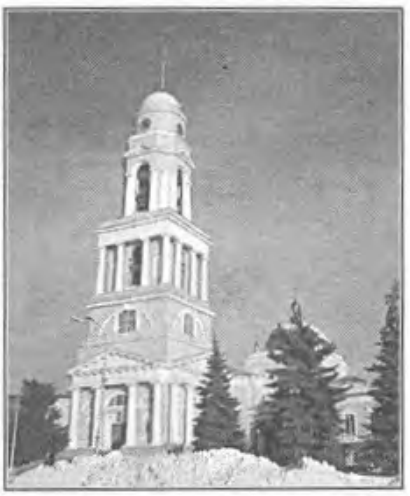
И тогда человек начинает заболевать, потому что Господь посещает нас, чтобы спасти. Сейчас мы этого не понимаем, но после будем благодарны Богу за Его великие благодеяния – посещения нас различными скорбями, болезнями и нестроениями. Ведь чтобы отвратить человека от греха и исправить его, нужно большое усилие. Когда мы каемся, то говорим на исповеди священнослужителю: «Во мне такая слабая воля! Тот грех, в котором я уже, казалось бы, покаялась (или по-

каялся) вдруг опять захотелось совершить! И я, не сопротивляясь ему, иду и снова делаю! Ведь это, наверно, какая-то сила, как я думаю, толкает меня на эту скверну и порок…». Но Святые Отцы говорят, что никакая сила не может принудить человека творить грех или заставить его спасаться, кроме свободной воли. Человек определяется сам: идти ли ему путем праведности или погибели.

Господь, зная о том, что человек слаб естеством, все же принимает наше покаяние, нам же нужно уяснить себе, что такое покаяние. Это неделание прежде содеянных грехов. А то бывает, что мы вроде бы каемся, а в душе не отбрасываем греховное наслаждение и думаем: «Да ладно, согрешу – как-нибудь опять покаюсь!» И когда мы со слезами приходим в храм, просим прощения, целуем иконы – мы даем иудино лобзание, потому что, совершая после этого грех, все более и более усугубляем свое положение и удаляем себя от Бога. Безконечно это не может продолжаться. Оттого Господь и говорит человеку, у которого угобзилась нива (уродился большой урожай): «*Безумный! Кому ты все это соберешь? В эту ночь душу твою заберут! Кому ты все это оставишь?*» (Лк. 12, 16-20) Так и мы: не богатеем добрыми делами в Бога, а стараемся иметь материальное богатство.

Но вы видите: Запад живет в этом материальном богатстве, радуется, что у них все есть, упивается… А душа их плачет! Лицо – зеркало нашей души, оно показывает нам внутреннее состояние человека. Посмотрите на их лица: они скорбные. А православные русские люди не разучились еще улыбаться, радоваться белому дню и окружающему миру – и все потому, что они живут с Господом. Мы видим, что человек приходит в храм и здесь, встретив другого человека, радуется: «А я вот пришла в храм – Богу помолиться!» – она радуется, что нашла в себе силы оторваться от телевизора, от всяких житейских попечений, от суеты мира сего и пришла сюда – хотя бы раз в неделю.

Помню, когда я служил на приходе, на службу ходили люди старые и молодые. С автобуса до храма им надо было пройти около двух километров. Старенькие, в основном, приходили с палочками и ставили их



Христо-Рождественский собор, г. Липецк

в притворе. А после службы я говорил пономарям: «Ну, идите, собирайте палочки», – бабушки возвращались домой из храма радостные, забыв про свои немощи.

Так бывает часто: приезжают люди в монастырь, приходят в храм с великими скорбями, с неразрешимыми вопросами. Побыв на службе, попросив, поплакав, помолившись, они уходят домой с облегчением. И им становится легче переносить те скорби, которые посетили их в миру – в семье, на работе, в обществе.

Но зачастую люди думают, что скорби разрешаются как бы сами собой. Например, недавно пособоровали одного раба Божиего, у которого гноились ноги – и он стал ходить. А потом приезжает и говорит: «Да они исцелились сами собой!» – хотя ему нужно было делать трепанацию черепа, чтобы поставить диагноз.

Так и мы нередко думаем, что все происходит само собой. Или, в крайнем случае, считаем, что нам помог кто-то из людей. Но никогда не говорим: «Это произошло с Божией помощью». А ведь только чудное и великое имя Господне помогает нам в жизни, незримо разрешает наши проблемы – и житейские, и личные.

Так вот, дорогие, поздравляя вас с праздником – Воскресением Христовым, малой Пасхой, хочу напомнить: не забывайте в этот день приходить сюда – к Богу. Ведь Он заповедал нам: «*Шесть дней работай и делай всякие дела твои; а день седьмый – Господу Богу твоему*» (ср. Исх. 20, 9-10), службе, молитве. Подумайте: Господь разрешил нам шесть дней заниматься своими житейскими делами и лишь в один седьмой день предназначил их оставить!

Но сейчас нас очень хитро увлекают всякими телевизионными передачами, многосерийными фильмами, для того чтобы мы думали только о сериалах: «А что дальше? Как-то нужно выбрать время посмотреть. Обязательно». То есть получается, что по воскресеньям мы вроде бы и не занимаемся житейскими делами, но и в храм не идем. А бывает так, что даже на церковной службе эти сериалы не идут из нашей головы! И где бы мы ни были, то и дело думаем: «Как бы не опоздать на передачу!..»

Дорогие, сейчас весь мир работает на диавола. Остается лишь малое стадо – те, которые стараются как-то сопротивляться всем его прелестям. Но будет ли мир считаться с этими людьми? Нет. Их просто уберут, потому что они мешают строить другую, новую жизнь – «счастливую жизнь» века компьютеров, кибернетики и автоматики. Поэтому нам, дорогие, сейчас нужно усиленно молиться. Не просто приходить в храм, чтобы побыть там, посмотреть и послушать – в храме нужно молиться. И дома не забывать читать Псалтирь, каноны, акафисты… Потому что если вы приобретете навыки в молитве, вы всегда, везде и всюду будете беседовать с Господом, и Он не введет вас ни в какие искушения, защитит от враг видимых и невидимых. Аминь.

В день святителя Тихона

Проповедь митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия

Владимирский собор, г. Задонск, 26 августа 2003 г.

Ваше Преосвященство, дорогой Владыка Никон! Ваше превосходительство, многоуважаемый Олег Петрович, губернатор Липецкой области! Ваши Высокопреподобия – дорогие отцы, матушки игумении! Дорогие братья и сестры! Сердечно поздравляю вас с нынешним всероссийским торжеством – памятью одного из столпов Церкви Русской, великого сына России – святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца.

Святитель Тихон близок к нам, хотя жил в иное время. Тогда, казалось бы, все было другим. Но что осталось неизменным – это человек и его проблемы. Человек, как творение Божие, как венец Его творения, человек, как поле борьбы между добром и злом. И независимо от того, в какую политическую эпоху он живет и где географически находится, мысли человека, его сердце, чувства – одинаковы. То, что переживало современное святителю Тихону общество, переживаем и мы – в основном те же самые проблемы, только лишь слегка измененные техническим прогрессом. Разница небольшая, потому что, по слову и свидетельству Христа, из сердца человеческого исходят злые или добрые помыслы (Мк. 7, 21) – в сердце человеческом все зарождается. А потом уже воплощается в дела.

И мы с вами поэтому с таким усердием, почтением, с трепетом переступаем порог этой святой обители, чтобы не только поучиться словесами святителя Тихона, которые он нам оставил в назидание и которые не утратили своей значимости, но и почувствовать его атмосферу, созерцая его святые останки и припадая к ним, прося его благословения на наш с вами жизненный путь. И та молитвенная и духовная атмосфера, которая была при святителе Тихоне, слава Богу, возрождается, она наследована народом. И братия святой обители сей под руководством владыки Никона созидают в труде, в молитве, в подвигах эту атмосферу, чтобы люди (живущие и рядом, и далеко, и паломники, которые, может быть, раз в жизни сюда приедут) могли бы почерпнуть из этого мудрого тихоновского источника благодать, освежающую силы, возрождающую наше стремление к добру, к Творцу Небесному. Чтобы люди видели в ближнем брата, дорогого человека, за которого также пролил Свою драгоценную Кровь Христос.

Митрополит Сергий и епископ Никон на крестном ходе в день памяти святителя Тихона Задонского

Мы с вами каждый год во множестве собираемся на этом святом месте. Что нами движет? Мы особенно чувствуем в эти минуты присутствие святителя Тихона. Он уже святой, прославленный человек, он находится в Царствии Божием, и мы здесь, вокруг его мощей, просим его ходатайства пред Творцом всея твари, чтобы Господь благословил бы нас миром, благополучием и счастьем, мы как бы вместе со святителем воспаряем в горние Обители, к Престолу Царя Небесного.

А с чем мы уйдем отсюда? Сохраним ли мы эту атмосферу, эту незабываемую и непередаваемую связь со святителем Тихоном, эту связь с Духом Святым, Который питает каждого из нас? После сегодняшнего праздника мы разойдемся по домам, приступим к нашей повседневной работе, будем встречаться с людьми, которые каждый день окружают нас и составляют круг наших знакомых, родных – наше общество. Но мы должны уходить отсюда с обновленными силами, с просветленным сознанием значимости нашей жизни, которая была вызвана Богом из небытия. Мы должны помнить это и стараться жить сознательно, целостно, честно, чтобы смысл нашего существования был нам ясен и понятен, и чтобы мы были для всех людей примером отношения к самому драгоценному дару на земле – жизни. Из этого источника света, из этого источника духовности мы должны нести маленький огонечек, затепленный здесь – у молитвенной лампады, у мощей святителя Тихона, чтобы он зажег сердца многих людей, которые нас окружают. И чтобы они, в свою очередь, тоже изменились, и жизнь их была бы осмысленной и святой.

Мы с вами живем в очень интересное время. Но оно и очень ответственно. Сейчас невозможно быть теплохладным, невозможно быть безразличным – это греховно. Мы ответственны за то время, которое дал нам Бог. В наших силах вдохнуть дыхание жизни в российскую действительность или погубить ее. Мы должны сознательно к этому отнестись и сделать все возможное, чтобы будущее нашей великой страны созидалось бы на православных традициях. И пример нам в этом – служение святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца. Господь дал живущим на Руси Святой много светильников, которые освящают наш жизненный путь, много примеров, которым мы можем подражать – и идти прямо в Царствие Небесное. Мы должны исполнять все то, что они нам заповедали: это забота о личной святости, забота о ближних и дальних людях, с которыми мы связаны по жизни, это честное отношение к труду, любовь к нашей Родине, это осознание мессианского значения России, исторический пример которой является примером для развития

всего человечества. И мы должны быть исполнены благодарностью Богу за то, что являемся наследниками такого великого духовного богатства, как наша российская история, российская культура, которая в свое время указывала народам, живущим в других странах, путь развития. Люди, приезжавшие в Россию, называли нашу Родину Святой Русью, Домом Богоматери. Это не пустые слова – они обязывали наших предков (но обязывают в равной степени и нас) сохранить то великое наследие, над которым, в частности, трудился и святитель Тихон. Мы с вами должны быть людьми счастливыми, потому что к радости призвал нас Христос. Христианство, в частности Православие, – это религия радости. И мы должны радоваться всегда и с радостью воспринимать все, что посылает нам по Своему Божественному Промыслу Господь. Мы с честью и достоинством должны нести наш жизненный крест и отвечать всем тем требованиям, которые предъявляет нам жизнь и Святая Церковь.

Дай Бог, чтобы благословение и напутствие святителя Тихона, нашего теплого молитвенника и предстателя, было со всеми нами. Дай Бог, чтобы эта лампада любви и молитвы, возженная не так давно заново, неугасимо светила до скончания века – нам и нашим потомкам. Дай Бог, чтобы Господь, видя наши добрые намерения изменить нашу жизнь к святости и добру, благословил бы нас, а через нас – нашу дорогую Родину миром, благополучием и счастьем. Я желаю вам, чтобы вы были наследниками того великого дара благодати Христовой, к которому призваны. Я желаю вам счастья и Божиего благословения, чтобы достаток и любовь царили в ваших семьях. Храни вас всех Господь.

Наследие святителя Тихона Задонского

Как вести в храме

1) Идя в церковь, думай, что ты в дом Царя Небесного идешь, где со страхом и радостью стоять должно так, как на Небе пред Небесным Царем. В храме стояще, на Небеси стояти мним, – поет святая Церковь.

2) Желая с пользой молиться, оставь ближнему согрешения, да неосужденно Отца Небесного призовешь, говоря: Отче наш, Иже еси на Небесех! – и прочее. Остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим. И ежели не простишь ближнему согрешений, знай, что и тебе Богом не простятся согрешения. Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших (Мф. 6, 15).

3) Стоя в церкви, по сторонам не озирайся и, как кто стоит или молится, не смотри, да с фарисеем не осудишься, потому что пришел ты не судить, а у Бога Судии и Сердцеведца милости просить. Но взирай с умилением к единому алтарю, где Святая Жертва приносится, и, мытарю подражая, о своих грехах помолись милостивому Богу, говоря: Боже! Милостив буди мне, грешному (Лк. 18, 13).

4) Смеха, разговоров крайне берегись, потому что тот, кто, в церкви стоя, смеется или разговаривает, не только не умилостивляет Бога, но и весьма раздражает, ибо не воздает чести святому месту и других соблазняет и мешает другим молиться. Слушай прилежно чтение и пение и от того умиляйся. Если же мысль твоя отвлекает ум твой или к дому твоему, или к иным мирским вещам, всячески старайся ум свой обратить и призывать к слушанию пения, славословия Божия, псалмов и молитв читаемых, тогда с пользой из церкви выйдешь.

5) Приходя в церковь, видишь гробы братии твоей, и потому помяни: и ты в те же недра земли вселишься и земля, которую сейчас топчешь ногами, покроет твое лицо. И потому воздохни к Богу о преставившихся, да помилует их. Это не только им, но и тебе будет полезно. Ибо к ближним любовь показываешь и, видя, что они умерли, подумай и о своей смерти, да так усерднее Богу помолишься.

6) О том, что слышал в церкви прочитанное или проповеданное, в доме своем рассуждай и старайся так исполнять, да не в большее осуждение будет тебе слышанное слово Божие и несотворенное. Ибо блаженны, – сказано, – слышащие слово Божие и соблюдающие его. (Лк. 11, 28) Да и домашних своих, и детей к тому же наставляй и учи, да не будешь из-за них от Бога истязан.

Так, в церковь входя и молясь, с пользой выходить будешь и житие свое добре устроишь, и желаемого вечного блаженства сподобишься, благодатью Господа Бога нашего Иисуса Христа. Аминь.

Разделявшие радости и скорби

Из воспоминаний келейников святителя Тихона

Записки Ивана Ефимова (часть 7)

Но и сие мне в память.

За три дня до кончины своей благоволил он, чтобы все ближайшие к нему, равно и благотворители его из господ помещиков обоего пола, были у него в тот день для принятия благословения от него; они и были, и он всех, как их, так и живших при нем и служивших ему, паче ж в болезни его, скорбящих и плачущих о разлучении с ним, подняв свою десницу и указуя на картину Распятого Христа, поручил Божескому покровительству, ибо присутствующие те особы, плача и рыдая, возглашали: «На кого ты нас оставляешь? К кому мы прибегнем и от кого получим наставление и пользу бедствующим душам нашим?» – и прочее.

Года за два до кончины своей написал он завещание о образах Страстей Христовых (кои были его собственные и писаны на парусине) и о малом своем имуществе, как-то: о рубашках, фуфайках, из белой байки сделанных (которые он почасту переменял от усилившегося пота), и о прочем одеянии. Завещание то вручил он одному из келейных своих, с тем чтобы после кончины его, Преосвященного, образа святые вручить известным его благодетелям в благословение, а фуфайки (коих было числом восемь) бедным сиротам – детям раздать. Из числа образов одну картину Страстную мне в благословение предписано было взять, а притом еще полную, за подписанием его святительской десницы; Библию мне ж, и одну фуфайку старенькую; ковер же простой, который был набит соломою и на котором он почивал, и две собственные его подушки, набитые перьями, тулуп овчинный, коим он вместо одеяла одевался, несколько рубашек, коты и чулки простой шерсти, в коих он хаживал, а притом две ряски ветхие, третья ряска шелковая, поношенная, дарованная ему преосвященным Астраханским, два подрясника, один овчинный, другой заячий, покрытый темною китайкою, малое число оловянной и деревянной посуды, два чайника медных – один для варения воды, а другой для чаю, две пары чашек чайных, два стакана стеклянных, часы стенные простые с кукушкою, несколько полотенцев и белых тонкого полотна платков носовых, таз медный – все сие, по завещанию его распродано, и вся сумма, а при том оставшиеся после него 14 р. 50 к. розданы бедным. Прежнее же свое одеяние шелковое, холодные и теплые подрясники, рясы на лисьем меху и прочее приличное архиерейскому сану одеяние, пуховик с подушками пуховыми и одеяла хорошие, с первых годов своего в Задонском монастыре пребывания распродал он единственно для раздачи денег бедным на пропитание; а также и дарованную ему некогда преосвященным Астраханским лучшую рясу грезетовую[1] продав, деньги употребил на бедных же вдов и сирот.

При сочинении и писании своею рукою шеститомной книги «О истинном христианстве», как я от него, Преосвященного, слышал, случалась от вражеских козней помеха его мыслям таковая: когда углублялся он в сочинение, наипаче когда писал ночным временем при огне, то вдруг на верху келлии сделается топтание и бегание, и прыгание, по подобию человеческих ног, от чего ужас нападет на него, так что он писать останавливался; почему, призвав живущих при себе, прикажет взойти под кровлю посмотреть, нет ли там каких-либо животных. Келейные, осмотрев место то, докладывают, что нет ничего. Случалось то ж нередко и днем: иногда в печи той келлии, в которой он писывал, вдруг послышится мятеж (резкое движение) или ворочание черновых его бумаг, которые он обыкновенно раздирал и в ту печь метал, что самое его не малое время безпокоило. Осмотрит наконец там запертую затворкою печь: никакого гада[2] не оказывалось.

Когда он совсем расположился всегдашнее пребывание иметь в Задонском монастыре, то в первый год пребывания своего здесь, – о чем многократно слышал я от него, – испытывал он скуку и уныние: представлялось ему, что не туне ли получает он от короны пенсию. Целый год боролся он с мыслями своими, которые представляя ему честь, славу и почитание, паче пользу общества христианского, влекшего паки к пастырской должности. От такого воображения всякий день был он крайне скучен, так что иногда целые сутки не исходил из келлии, находясь взаперти; только и слышан был, по словам живших при нем, глас молитв и молений и хождение его по келлиям. По прошествии ж года, однажды, лежа на канапе (*канап* – скамья со спинкой, диван), обдумывал он свою жизнь и скучное пребывание, до безконечности безпокоен[3], борясь с влекущими его паки на епархию мыслями, так что чрезмерным весь облит потом, встал вдруг с канапе и возопил громким голосом тако: «Господи! Хоть умру, но не пойду!» От того часа не столь уже стали безпокоить его таковые мысли; в спокойствии духа стал он |препровождать житие свое, духовною радостию всякий день напояемый. О искушении же том мысленном, под прикрытием, писал он тогда же к Новгородскому преосвященному Гавриилу (о чем я от митрополита того слышал). Митрополит звал его в свою Новгородскую епархию, обещая ему под управление его дать Иверский монастырь близ Валдая, как место уединенное, или другой, какой ему угод-

[1] *Грезет* – шерстяная ткань с травчатым узором того же цвета.

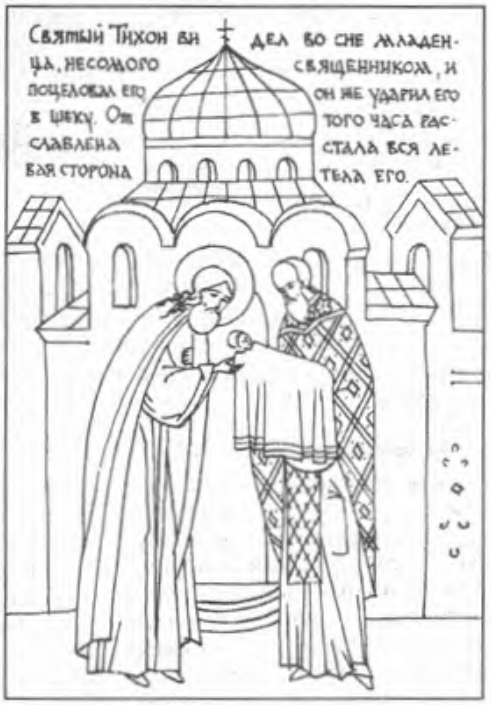
[2] Насекомого или змеи.

[3] «Святитель укорял сам себя: в кратковременном служении Церкви, для коей принял сан пастырства; в нетерпеливом и добровольном оставлении своего звания, к которому опять увидел себя способным; в недокончании многих полезных Церкви учреждений, которые могли вовсе уничтожиться, и даже в погибели, может быть, многих душ, его попечению врученных от воззвавшего его Промысла Божия».

но. Но он на то не согласился, перемог свои мысленные искушения и описал оные в статье под заглавием: «Вода мимотекущая».

Спал он в каждые сутки не более четырех часов, а нередко и целые сутки вовсе без сна проводил.

Он с первых годов своего пребывания в Задонском монастыре весьма был до келейных строг и от натуральной горячности строго на живущих при нем за самую малую погрешность взыскивал, наказуя поклонами с коленопреклонением на молитве Господу Богу. Случалось, что от строгого за погрешности взыскивания лишался он служащих ему из усердия, и они, таковаго лица пастырского боясь, отходили от него. Сознавая чрезмерную свою горячность, начал он просить и молить Бога, дабы посетил его какою-либо болезнию, да тако удобнее мог бы он смиренномудрию и кротости обучитися, а посему и получил желаемое. Видит он раз в сонном видении, якобы входит он в церковь; навстречу к нему идет священник из алтаря (придела Евсевия святителя) царскими дверьми и на руках несет младенца, покрытого тонкою кисеею. Он, будучи привержен ко младенцам любовию (каковых Сам Христос принимал грядущих к Нему), сам подошел к оному младенцу, лежащему на руках священника, и спрашивает его, как его звать. Священник отвечал: *Василий* (значащий с греческого «царь»). От любви ко младенцам, отложив с лица его то белое покрывало, он поцеловал младенца в правую щеку; младенец же ударил его десною рукою по левой щеке, и так сильно, что от удара того он пробудился. Встав, чувствует и видит у себя левую руку трясущуюся и ослабление левой ноги. Рассуждая знаменование виденного сна, благодарил он Бога за таковое отеческое посещение. От того времени начал он кротости и глубочайшему приобучаться смиренномудрию, и так приобучился оному, что и за правильный выговор последнему келейнику из простых и грубых мужиков, повару, если увидит его оскорбившегося на него, кланялся об руку, испрашивая прощения[4]. А тако, при вседействующей Божией благодати, столь преуспел в мудрости духовной, что в нем видны были все те плоды духовные, о которых святой апостол Павел изъясняет: *плод духовный есть любы, радость, мир, и прочее* (Гал. 5, 22).



[4] С радостью и благодарностью к Богу принимал Святитель и другие, посылаемые ему Промыслом, вразумления. К мужу добродетельному Косме Игнатьевичу пишет раз Преосвященный, чтобы он приехал к нему. Когда сей явился, Преосвященный спрашивает: знает ли он Каменева? Косма отвечал, что знает и знает хорошо. Преосвященный сказал: «Знаешь ли, он открыл мои мысли. За несколько пред сим дней, – продолжал Святитель, – бес нанес мне мысль высокоумия, и сколько я ни старался отгнать от себя сии мысли, но никак не мог. Третьего дня, после вечерни, сидел я пред келлиею моею, на крылечке, более других дней обуреваем теми же мыслями. Вижу: из церкви бежит Каменев, окруженный ребятишками; проходя мимо крылечка, он вдруг ударяет меня по щеке и говорит мне на ухо: «Не высокомудрствуй». Я, – заключил Святитель, – в ту ж минуту почувствовал, что бес высокоумия отступил от мене». Предание дополняет, что в благодарность за такое врачевство Святитель определил юродивому Каменеву пенсию, по 3 коп. в день, которую и выдавал по самую кончину свою.

Многи скорби праведным, но нечестивым еще больше.

Истинно тое есть, что "*многи скорби праведным*" (Пс. 33, 20), но нечестивым далеко больше и множайше ради вечного во аде мучения их. Хотя они и свирепеют здесь, но там гордости и нечестия своего вкушать будут плоды. Но и здесь во всяком безпокойстве и мятеже живут: друг у друга отнимают, друг друга лишают, друг на друга жалятся, поносят и ругают и хитросплетенными и язвительными судебные места наполняют челобитными. Чего в таких случаях и обстоятельствах ожидать, кроме смущения и безпокойствия? А когда в совесть их посмотреть: что иное там делается, как только непрестанный суд, осуждение, мятеж и мучение? Злая бо совесть паче всякой скорби оскорбляет и паче всякого мучителя мучит человека. Цветут убо вне нечестивые в своем благополучии, но внутрь как цветы червивые.

Свт. Тихон Задонский

ПО ЗЕМЛЕ СВЯТОЙ...

Храм Двенадцати Апостолов, Тиверия

Епископ Задонский Никон (Васин), управляющий ныне по поручению Священного Синода Русской Православной Церкви епархией Липецкой и Елецкой, возвратился недавно из паломничества в Святую землю. Редакция «Задонского паломника» попросила владыку поделиться с читателями альманаха впечатлениями от поездки по местам, где прошла земная жизнь Спасителя. И сегодня мы публикуем услышанный рассказ...

Поездка наша была организована по линии отделения Православного общества (братства) «Радонеж», действующего в России по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, и вот уже более 12-ти лет трудящегося на ниве духовного просвещения граждан нашей страны. В состав делегации вошли как лица духовные, так и благочестивые миряне из городов Воронежа и Липецка, своей безкорыстной помощью поддерживающие Церковь в трудах ее. Продолжалась поездка девять дней.

Очень повезло нам с экскурсоводом. Это был человек крещеный, высокоэрудированный, с глубоким знанием Священной истории, обучающийся в Свято-Тихоновском богословском институте в Москве. Его подробные, в духе православной духовности рассказы очень помогли нам в восприятии увиденного, дали возможность взглянуть на представавшее глазам нашим так как было то должно – с благоговением. Хотя порой это было непросто из-за того, что ряд наиболее посещаемых мест Святой Земли, остающихся, к сожалению, вне сферы попечения религиозных конфессий, просто-таки затенены внешней туристской атрибутикой, откровенным желанием заработать деньги на благочестивом желании паломников узреть землю, по которой ступала нога Спасителя.

Например, река Иордан в месте Крещения Господня никак ныне не напоминает те далекие времена. Это скорее благоустроенный пляж с кабинками для переодевания, где за отдельную плату предоставляют белое одеяние для омовения, которое также стоит денег. Окунуться в воды Иордана можно лишь за 1 доллар США. А в Канне Галилейской паломникам активно предлагают местное вино самых разных сортов, недвусмысленно увязывая благоденствие местного виноделия со знаменитым евангельским чудом перевоплощения воды в вино. Немало было видено нами и иного подобного, но мы «удалялись зла» и подчинялись в своем паломничестве не наязываемыми туристическим бизнесом правилами, а своим представлениям о том, как должны вести себя люди верующие, пребывая на земле Святой.

Оказываясь в том или ином месте, освященном традицией священного Писания, мы ставили свечи, прикладывались к иконам, пели величание, молились.

Началось же путешествие с Галилеи. Из Тиверии, где нам дали автобус и экскурсовода, мы проследовали в Назарет. Здесь мы вкусили воды из святого источника, у которого, по преданию, и было первое явление архангела Гавриила с Благою Вестью Матери Божией.

Далее путь наш лежал в Канну Галилейскую. Здесь мы ознакомились с жизнью греческой диаспоры, принявшей нашу паломническую группу очень радушно и со всеми почестями. Меня, как архиерея, в местном храме встречали с колокольным звоном.

Из Канны мы направились к водам Иорданским, где Спаситель принял Крещение. Искупавшись, взяли с собой на память камешки с речного дна, омытые водой реки, священной для каждого христианина.

Покормили здешних сомов – рыб непуганных, так как лов их запрещен, а потому – доверчивых. Стоит бросить в воду крошки, как тут же появляется целая стая этих громадных, до десяти килограммов весом, черно-рыжих иорданских обитателей...

А в Капернауме, будучи в гостях у одного православного араба, попробовали рыбки из моря Галилейского, именуемой здесь «петровской» в память о совершившемся по воле Господней «чудесном лове рыбы».

Очень понравилось в представительстве Православной духовной миссии Московского патриархата, что располагается в местечке Маг-

Цепь вмч. Георгия Победоносца, г. Лида

далы – на родине равноапостольной мироносицы Марии Магдалины. Тихое, ухоженное, отлично обустроенное место, расположенное близ лечебных радоновых источников. Здесь отдыхаешь душой и ободряешься телом.

И вот мы – на горе Фавор, где Господь наш Иисус Христос явился в славе Своей, преобразившись. «И просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф., 17, 2). Здесь расположились сразу два монастыря – греческий и католический. В храме греческой обители мы с радостным волнением приложились к иконам и пропели величание празднику Преображения Господня. А затем разделили с монашествующими трапезу.

С горы Преображения мы отправились в пустыню Иорданскую – край унылой выжженой солнцем красноватой земли с редкой растительностью, где местные арабы пасут свои стада. Здесь нас ждали в монастыре преподобного Герасима Иорданского, силою молитв своих усмирившего некогда льва, который затем служил святому. В этой обители довелось быть свидетелями чуда мироточения иконы Матери Божией. С молитвами приложились к мироточивому образу.

А вот Сорокадневную гору, где искушаем был диаволом Господь наш Иисус Христос, видели лишь издали, следуя в Иерусалим. Из-за обострения арабо-израильских отношений на Гору Искушения попасть пока невозможно – священное место оказалось в зоне конфликта.

В Иерусалиме мы направились к Кувуклии – Гробу Господню. Здесь особенно обращает на себя внимание плита, на которой совершалось помазание тела Спасителя перед погребением его в пещере-склепе. Века минули с тех пор, а плита и ныне благоухает ароматами благовоний, излитых женами-мироносицами на тело Спасителя, снятое со Креста.

У Гроба Господня сподобился я совершить литургию в сослужении с греческим митрополитом и Нижегородским владыкой Георгием. Отслужил также вечерню в недавно обновленном и заново великолепно отделанном храме Православной духовной миссии Московского патриархата.

Иерусалим – город, хранящий зримую и осязаемую память о последних днях земной жизни Спасителя. Все места, связанные с евангельскими событиями, окружены здесь заботою церквей. Мы прошли Крестным Путем, поднялись на Голгофу, посетили Лифостратон – место суда, побывали в каменных пещерах, служивших узилищем. Там, где совершалось бичевание Спасителя, сохранился каменный столб, к которому привязывали осужденных. Говорят, что иногда, прислонившись к этому древнему камню, можно услышать звучащее сквозь века эхо ударов бича, терзавшего тело Иисуса...

Нанесли мы визиты и в православные обители, расположенные в Иерусалиме и близ него. Посетили Крестовый монастырь; Горненскую женскую обитель; обитель Марии Магдалины, где покоятся мощи мучениц великой княгини Елизаветы и инокини Варвары; женский монастырь Русской Православной церкви Зарубежом на горе Елеонской. В Елеоне довелось побеседовать с игуменией женской общины. В частности, шла речь о предполагаемом воссоединении двух ветвей Российского Православия. Как следует из беседы, воссоединения ждут, но не без сомнений, опасаясь возможных перемен в налаженном за десятилетия собственном укладе.

О делах церковных шла речь и на приеме у Святейшего Патриарха Иерусалимского Иринея. Общался он с нами практически без переводчика, так как неплохо знает русский язык.

Предстоятель Иерусалимский сильно скорбел по поводу притеснений, чинимых на Святой земле Православию со стороны римо-католической церкви. Ситуация сходная с тем, что творится на Западной Украине. Забирают здания, забирают монастыри.

Встреча с Патриархом Иерусалимским Иренеем

Да и в целом, как мы знаем, из-за продолжающегося арабо-израильского конфликта политическая ситуация на Святой земле очень и очень сложная. А потому и было особенно отрадно видеть, что православные храмы и монастыри, в которых мы побывали, пребывают не в запустении, но ухожены и обустроены, являя собой островки мира духовного и утешения средь волнующегося моря мирских страстей. И за это мы также от души возблагодарили Господа...

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 7
Из воспоминаний духовного чада – схимонахини Зиновии (часть 1)

Батюшке Виталии я узнала при жизни моего первого духовного отца – иеромонаха Анании. Когда я жила в Ростове, то познакомилась там с чудесной матушкой – монахиней Иулианией. Муж ее погиб на войне, сын женился, и жила она одна. Мать Иулиания раньше была соседкой и подругой матери отца Виталия – Александры. Жили они в городе Ейске. Она рассказала, что отца Батюшки Виталия звали Николаем, он погиб на войне, и Александра одна воспитывала двоих детей: сына Виталия и дочь Валентину.

Иулиания была простая добрая женщина. Часто бывало так, что родная мать побьет за что-нибудь отца Виталия, а мать Иулиания пожалеет.

Однажды, как рассказывала мне мать Иулиания, она умерла, и ее уже вели в ад. Подвели, огонь пылает… И тут она услышала голос: «Ради Моего избрбнного чада Виталия верните ее на землю, чтобы она искупила свою греховную мирскую жизнь. Верните ее на землю», – сказал Господь. И после этого Иулиания жила уже совсем по-другому…

Я вернулась из Ростова и два года жила у отца Анании на послушании. Сестры, которые знали отца Виталия, приезжали к отцу Анании и говорили мне потихоньку: «Отец Виталий спрашивает: «А Нина там плачет?»» А Батюшка Виталий в то время еще ни разу меня не видел.

Потом отец Анания умер, и некоторое время я жила, ни у кого не окормляясь.

Однажды у меня возникло сильное желание поехать в Ростов. Говорю:

– Мама, мне надо срочно в Ростов ехать.

– Ты что?! Что это тебе срочно туда понадобилось?

– Мам, я не знаю. Просто чувствую: надо ехать и все.

– Ну, отправляйся.

Приезжаю к Тане, а ее мама говорит: «Нина, Таня уехала за мамой отца Виталия в Ейск».

А отец Виталий был в Загорске и дал телеграмму, что должен заехать в Ростов. И его духовные чада решили устроить встречу матери с сыном – она же не видела его 17 лет! Таня поехала за ней. Я приехала утром, а Таня маму к вечеру привезла. Мне выпало счастье разговаривать с матерью Батюшки всю ночь. Она все рассказывала в эту ночь об отце Виталии… Говорила, что родился он прозорливым, рассказывала, как ей было трудно, как он махорку сжег…

Вознесенский храм в селе Бурдино

Оказывается, когда его мама уже была беременная, свекровь все говорила ей: «Ты родишь проклятого». Она недужная была (бесноватая). Мать стала плакать, каждый день по триста поклонов била и молилась святителю Николаю: «Святителю отче Николае, покажи, что у меня будет за чадо – я скорблю». И видит во сне святителя Николая. Он ей показал на небо: взошло солнце, и обошло всю землю, и закатилось. Святитель Николай сказал: «Твой сын будет подобен этому солнцу». И мать молилась: «Господи, дай мне такое чадо, чтоб он был и мне в утешение, и мир чтобы радовался о нем».

Когда отцу Виталию было шесть недель, мама его, как полагается, пошла в церковь брать молитву. А батюшка взял младенца и положил где-то за престол в алтаре. Отец Виталий всю службу пролежал там и не заплакал! Тогда тот батюшка сказал матери: «Ты родила солнышко».

А еще мама отца Виталия рассказывала, что когда он был маленький и в люлечке лежал, она работала на огороде. А свекровь – бабушка Батюшки – выбросила его в окно. Мать рассказывает: «Я прихожу, а его нету в люльке. Я испугалась: где ребенок? А он лежит себе под деревом, не кричит, тихий такой. Я умилилась, взяла его и понесла домой».

Когда он уже подрос, то, видно, читал или слышал рассказы о Святых Отцах. Мама его пришла домой, а он в каком-то болоте в яме в одних трусиках сидит весь изъеденный комарами. Мать с матерью Иулианией его оттуда взяли, вымыли – короче, спасли…

Так мне мама Батюшки всю ночь про него рассказывала, а наутро приехал сам отец Виталий. Встретились они с мамой, поговорили. А потом он у меня и спрашивает: «Ну, что: ты мой телефон услышала? Я тебя внутренним телефоном сюда вызывал». А тут сестры подбежали, потому что у нас с ним первая встреча – им интересно. Они у Батюшки спрашивают: «Отец Виталий, ты раньше видел эту рабу Божию?» Он отвечает: «Я ее видел, когда она еще в пеленках была».

Когда я с ним впервые встретилась, он с себя снял параман и мне подарил. А я тогда была только инокиней. И он мне сказал: «Это еще не конец. Это только начало. Я еще к вам в село приеду».

Когда я слышала об отце Виталии, что он очень великий и живет в пустыне (в горах), то всегда плакала: «Господи, имиже веси судьбами соедини меня с ним. Я очень хочу его видеть!» И бабушке своей говорила: «Бабушка, молись, чтобы отец Виталий к нам приехал – он в пустыне находится!» И когда отец Виталий по приезде только зашел к нам, то обнял бабушку и меня и говорит: «Малый и старый вывели из пустыни», – это были его первые слова.

Когда Батюшка к нам приехал, я у него спрашиваю: «Батюшка, а как Вы нашу хату нашли?» Он отвечает: «А у вас на печной трубе свечка горела!»

Внутреннее убранство Вознесенского храма

На нашем приходе освободилось место священника и назначили к нам служить отца Макария. А он не хотел, потому что церковь была полуразрушена – испугался, что надо так много восстанавливать. Батюшка Виталий приехал к нам в 1968-м году, они пошли, посмотрели храм, и отец Виталий сказал отцу Макарию: «Берись за восстановление, а я буду помогать». И он своих духовных чад, где у него только были, всех к нам присылал на подмогу. Церковь с улицы обдирали и вновь штукатурили. И внутри реставрировали. Когда расписывали на самом верху, посреди церкви горела огромная свечка: в диаметре сантиметров 20 и высотой два метра, а, может, и выше. Отец Виталий ее поставил перед аналоем и сказал: «Сестры, все подходите и по три поклона кладите за тех, кто расписывает, чтобы никто не разбился с вышины».

Когда церковную ограду строили, у нас не хватило кирпича. Батюшка говорит: «Скорей, отец Макарий, занимай кирпич где-нибудь, а то к обеду придут братики, которые не желают, чтобы восстанавливалось». А рядом с нами жил богатый сосед, и он дал взаймы. Закипела работа. Отец Виталий сам с тележкой рысью бегал, перевозя кирпич. Когда ограду уже заканчивали, к обеду пришел председатель и колхозное начальство. Стали возмущаться: почему, мол, колхозную свеклу никто не обрабатывает, а весь народ тут?! Отец Макарий им отвечает: «Они все городские», – народ не местный был, не деревенский. Большинство – чада Батюшки. У нас и с Москвы работали рабы Божии, и с Донбасса, с Украины, с Таганрога и с других городов – со всей России приезжали и помогали.

Народ в основном к отцу Виталию ездил такой, который приобщался потом к монашеству. Не все, конечно, но большинство. Они уже от Батюшки не могли оторваться – это как магнит был. Такая любовь, что не удержится никто. Даже самые черствые люди делались мягкими, потому что у отца Виталия исключительная любовь была. Он любой блуднице поклонится, руки облобызает. Сколько таких грешных душ к нему приходили, а потом по его молитвам становились монахами, подвижниками.

У отца Виталия все были равны. Не было такого деления: «Эта моя, а эта не моя. Я эту люблю, а эту ненавижу». И никогда он никого не осудил и даже дурно не сказал. Отец Виталий – это Ангел был!

Шли мы один раз с Батюшкой по берегу пруда – человек пятнадцать сестер. А на другой стороне купались ребятишки и ругались матом. Мне стыдно стало, что у нас дети так ругаются. А Батюшка говорит: «Вы благодарите Бога, что это слышите – дети за вас несут покаяние, напоминают грехи детства». Он никогда никого не осуждал, у него все были хорошие…

Пришли как-то Батюшка с моим двоюродным братом на пруд ловить рыбу. Сидят. А неподалеку поле, и на нем комбайнеры работают. Кончили и полезли в пруд купаться. И все, конечно, матерятся. Брату неудобно, что Батюшке приходится такое слушать, а отец Виталий это понял и говорит: «Это работнички Божии – хлебушек для нас убирают. Они свою молитву знают! А мы – тунеядцы: сидим тут без дела. Пошли отсюда».

Отец Макарий вырастал среди старцев[1] и сам был старцем, но и он говорил, что такого, как Батюшка Виталий, не встречал. «Я такую высоту духовную, как у отца Виталия, ни в одном не видел», – сказал он.

Когда строили Батюшкину келью, под фундамент привезли большие камни – известняк. Высыпали на дорогу. Отец Макарий пришел, посмотрел и загоревал, как их перетаскивать к месту постройки: расстояние большое. А отец Виталий собрал ночью сестер, проделали в загородке дырку, стали цепочкой и перетаскали эти камни. В этой келье все камешки освящены Батюшкой – все через его руки прошли: он стоял в конце цепочки и каждый камень принимал и укладывал… Утром отец Макарий приходит, а кучи уже нет. Он спрашивает: «А куда камни делись?» Отец Виталий отвечает: «Сами ушли».

Отец Виталий в свое время и у матушки Михаилы побывал, и у матушки Серафимы (Мичуринской). А когда приехал к нам, то, конечно, привез с собой мать Марию. Так батюшкины чада ее специально возили на машине к матушке Михаиле ради отца Виталия, чтобы та ее вразумила, что Батюшка – старец великий, что его надо жалеть.

Келья отца Виталия в селе Бурдино

Когда Батюшка с матерью Марией приезжали к нам в деревню, мать Мария отпускала его гулять без при-

[1] Он к преподобному Феодосию (Кавказскому) двенадцатилетним мальчиком приходил.

смотра, куда он хотел: места у нас глухие, народу мало – она и не боялась за него, не следила. Говорила: «Лети, птичка, тут тебе воля».

Один раз наша бабушка приходит домой и говорит: «Матушка Мария, ты погляди, что Батюшка сделал – иду я сейчас по мосту и вижу: он свои сапоги на дорогу поставил, а портки на дерево повесил!» Мать Мария побежала скорее забирать одежду, пока кто-нибудь не унес.

Когда Батюшка с матерью Марией приезжали к нам, мать Мария любила ходить к одной из моих теток. И если, бывало, навещали его чада, а мать Мария их не пускала, отец Виталий подзывал меня: «Хочется с приезжими поговорить. Отведи к матери Татьяне». Я иду с матерью Марией к своей тете, они там заговорятся, а Батюшка в это время спокойно с чадами беседует…

Многие женщины писали Батюшке письма: «Муж мой пьет, дома воюет, с топором за мной бегает, с ножом», – и он молился за них и за их мужей. Бесы его за это били. И не только духовно, но и телесно. А когда возле Батюшки присутствовал человек, бесы уже не являлись и не трогали его, поэтому мать Мария специально оставляла меня с отцом Виталием: «Побудь с ним, а то бесы его бьют за то, что он молится за пьянюшек».

Когда Батюшка у нас жил, он в четыре часа утра приходил в храм совершать проскомидию! И как-то мне рассказал: пришел в четыре утра, а уже Престол огнем горел, небо было отверсто, и Ангел стоял, ждал приношения…

Как-то отец Виталий проводил общую исповедь в храме – он вышел и сказал: «Я буду вам исповедываться», – и начал называть грехи. Он говорил народу, а народ ему – и вся церковь рыдала. Одни слезы – и благодать, и радость!

Отец Виталий отдал наше село на попечение Божией Матери, он все вокруг обошел с образом «Скоропослушницы». Говорил:

– Те, кто будет в этой деревне жить, ни в чем не будут иметь нужды.

Я спрашиваю:

– Батюшка, а почему?

– А потому что я ее вымолил у Господа. Я ходил с образом Божией Матери «Скоропослушницы» афонской.

Диаволу не нравилось, что отец Виталий вымаливал наше село. За огородами у нас было поле, где росла огромная двухметровая кукуруза, и Батюшка там часто молился. А потом как-то рассказал: «Однажды вдруг вылез диавол из преисподней, да такой огромный, что он меня всего взял в пасть. Из пасти шел огонь. Если бы ты увидела это зрелище, ты бы умерла…». А что было дальше, Батюшка мне не рассказал.

Бурдинские пруды

Но я поняла, что отца Виталия везде охраняла Царица Небесная, Она была с ним всегда. Потому что один раз, когда он жил в пустыне, он потерялся, и стали его искать. Братья боялись, что он разбился, потому что они жили на самом пике горы. Вот раз они заготавливали на зиму дрова, и некоторые срубленные деревья падали вниз. Братья наклонились посмотреть, а там в пропасти отец Виталий ходит, и навстречу ему Богородица идет. И после этого его уже не стали беспокоить, когда увидели, что он с Царицей Небесной. Как он вышел оттуда, братья тоже не знали.

Это был Старец с большой буквы. Владыка Зиновий был митрополитом, а преклонялся пред Батюшкой, каждым словом его дорожил. Митрополит жил им. И от себя его никуда не отпускал до самой смерти.

Устав нашей общины они устанавливали вместе: Владыка Зиновий и отец Виталий. Но единого молитвенного правила они не давали, а смотрели индивидуально – по силе здоровья и по силе духа каждого. Мне, например, отец Виталий ничего не назначил. Он сказал: «Вы слабые, больные – что помолитесь, то и слава Богу. Но старайтесь всегда быть в молитве». А в целом он сказал больше Иисусову молитву творить и «Богородицу» 150 раз читать.

Однажды Батюшка чуть не утонул в нашей речке. В молодости-то он хорошо плавал: мог по три километра проплывать и не уставал. А тут приехал с матерью Марией к нам, пошел с моим двоюродным братом на речку, проплыл немножко – а легкие слабые, больные, дышать трудно – стал тонуть. Брат мой подплыл к нему и под грудь его поддерживал, пока они до берега не доплыли. Батюшка говорит: «Теперь я знаю: меня посади в бочку, воды налей, и все – мне конец».

Подарил как-то Батюшка моему брату свою рубашку – так тот в ней ходил и мыть не давал. Говорил: «Благодать». И в армию в ней уехал. Его хотели в «горячую точку» отправить, а моя тетя написала отцу Виталию письмо. Батюшка отвечал: «Никуда его не отправят. И его, и тех, кто с ним». Брат потом рассказывал: «Поставили нас в строй, отобрали у всех документы и уже собираются отправлять. А потом не знаю, какими судьбами, помиловали».

А другого моего двоюродного брата должны были рукополагать в диакона. Отцу Виталию мы ничего не писали и не говорили, но он незадолго до этого прислал нам письмо, и в нем уже называл моего брата «отцом».

Одной из моих теток во время беременности сделали операцию, и у нее получился выкидыш. Отец Виталий пришел к ней и говорит: «Мать, давай 30 рублей». Пошел в магазин, накупил на эти деньги кучу распашонок и сказал, что их надо раздать тем младенцам, которых собираются крестить – подать таким образом милостыню, чтобы ее младенец был помилован.

ОБ УНЫНИИ

(часть 2)

Иногда приходилось беседовать с современными молодыми людьми и при этом слышать их жалобы на душевное состояние: нападает такая тягота, такое уныние, такое недовольство жизнью, что «хоть петлю на шею». Недоумевают: от чего это происходит, и что при этом нужно делать, чтобы избавиться от такого тягостного мироощущения? Ну, я, что мог, говорил. Но чувствовал, что я не в состоянии на это ответить более полно, потому что у меня не было такого опыта.

И вот однажды случилось следующее. Пришел я как-то с путешествия весьма уставший и измотанный почти до предела. И начал отдыхать. Отдохнул вечером. Отдохнул утром. Задремал на молитве – одолевала тягота. В общем, много проспал – выспался досыта. И вот, когда я последний раз проснулся и встал – ощутил такое душевное состояние, какого у меня еще не было. И сразу вспомнил то, что пытались мне объяснить молодые люди, которые спят до обеда, потом встают и смотрят на жизнь «пепельными глазами» – не знают, в какой угол идти и что делать. Трудно словами выразить это состояние, но… я сразу «все понял». Жизнь показалась какой-то мрачной, тяжелой, безынтересной, безцельной, глупой игрушкой… И я понял, **что** бывает, когда мы удовлетворяем свои страсти – после того, как мы их удовлетворили и насладились, эти страсти **становятся нашими мучителями**. Находят на нас мрак, уныние, расслабление, тягота – вплоть до того, что «жизнь не в жизнь».

Конечно, это безполезно говорить сугубо мирским людям – они все равно не примут. Но тот, кто ведет серьезный, внимательный, благочестивый образ жизни, может принять к сведению, что **нельзя удовлетворять свои прихоти**, т.е. страстные желания. И если мы хоть немножко боремся со своими страстями, тогда для нас жизнь бывает интересной и содержательной. И хотя мы и не получаем того благодатного утешения, какое получали прежние Святые Отцы, но все равно мы чувствуем к жизни живой интерес. Как говорила одна матушка – схимонахиня Илария: «Какая духовная жизнь интересная!» Она много раз это повторяла, потому что чувствовала, что духовная жизнь, действительно, интересная.

А вот сейчас приходится встречаться и с чисто мирскими людьми, и даже с монашествующими, для которых жизнь становится неинтересной, мрачной и серой. И именно потому, что мы удовлетворяем свои страсти, т.е. **делаем то, что нам хочется**. И потому становимся «чадами гнева»[1] еще здесь, на земле. И это дает нам напоминание, предчувствие, предвкушение того, что ожидает нас там – в вечности.

Вопрос: А вот говорят, что когда монастырь только-только открывается, восстанавливается, то там такая радость чувствуется! А потом она постепенно убывает. Приходилось беседовать с некоторыми насельниками из новооткрывшихся монастырей, которые подвизаются там с самого начала. Они вспоминают: «Эх, как раньше у нас хорошо было! Такая радость была! А сейчас уже не то». Это что: они уже привыкли, что ли, и потому не чувствуют радости? Или так оно и есть?

Ответ: Когда только-только открывается монастырь, тогда все осознают, что они делают дело Божие и трудятся ради Бога. А как сказано в Писании, «труждающемуся делателю [когда трудов много, а утешений телесных мало: и трапезной нет, и даже горячей воды для стирки нет] прежде подобает от [духовных] трудов вкусити» (ср. 2 Тим. 2, 6). А когда трудов ради Бога меньше, а утешений больше, тогда удаляется от таковых Утешитель, и душа лишается радости.

Вопрос: Вы привели пример про то, как вдоволь выспались. Непонятно. Вот если человек удовлетво-

---

[1] Ср. Еф. 2, 2-3: «…вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие».

рил «настоящую» страсть – водки, например, напился – это понятно: дальше за этим последует наказание. Страсть, действительно, мучает такого человека – его «раздирает», он места себе не находит, голова болит, еще выпить хочется. А если у организма естественная потребность в отдыхе – выспаться досыта хочется? Непонятно, какая в этом-то крамола?

Ответ: Да, сон – это естественная потребность. Но Святые Отцы как определяли естественную потребность сна? Когда человек лег, уснул и спит, сколько ему потребуется. Если он проснулся, значит, организм уже ободрился, уже нужно вставать. Ведь раньше будильников не было. А спали как: лег, уснул. Проснулся – значит, нужно вставать. Он удовлетворил естественную потребность. Но если он ложится, поспал, сколько надо, проснулся, на другую сторону перевернулся: «Ну, хоть время уже вставать – да ладно, я еще немножко посплю». Повернулся – еще немножко… повернулся – еще немножко. И уже спать не хочется, а он все: «Да я еще немножко полежу, подумаю: что вчера мне снилось, что сегодня приснилось…», – просто хочется понежиться в постели. А это уже есть удовлетворение страсти (так называемое ласкосердство). И за то, что мы понежились, понаслаждались, мы получим в дальнейшем расплату – эта страсть-сласть превратится в мучителя и будет мучить нас. Вот такая разница между естественной потребностью и удовлетворением своей страсти.

Вопрос: А, может, современной молодежи еще «жизнь не в жизнь» потому, что она у них пустая, и оттого – душа голодная? Ладно, что он встал в одиннадцать, но он, может, лег в три или в четыре часа ночи. Другое дело – чем он занимался все это время до четырех часов. Так что, может, спит-то он не так уж и много, а вот время проводит как? Может ли такое быть?

Ответ: Безусловно. Временное и вечное состояние человеческой души зависит от духовного значения наших дел. Насколько они угодны Богу, настолько душа становится здоровой. А от нее – и тело (но не всегда, а в соответствии с Промыслом Божиим).

Вопрос: Но как правильно разобраться с дисциплиной сна, о которой Вы упомянули выше? Раньше ведь люди были здоровые: заснули вечером и проснулись утром. А сейчас почти все люди больные. Они двадцать раз за ночь проснутся, перевернутся. Сна нет, из-за этого – сбой режима. Как здесь рассудить? Заснул, через полчаса проснулся – понятно же, что это не его норма сна: полчаса.

Ответ: Я не говорю о болезнях, речь идет о здоровом человеском организме.

Вопрос: Да ведь сейчас практически нет здоровых людей!..

Ответ: Если человек серьезно будет определять себя, как больного, то он будет искать врачевания: и духовного, и телесного. Ну, скажем, если человек не засыпает… и если он не принимает, к примеру, эленим или что-то подобное – он может принимать просто ложку меда. Если ложку меда принял, то через полчаса его естественно клонит в сон. И если он будет это соблюдать, то будет более глубоко спать.

Вопрос: Да уж ничего подобного! Мне и пять ложек не помогают. И знаю людей, которым порой даже таблетки не помогают. И при всем этом такие люди считаются «здоровыми». Сейчас жизнь диктует людям совсем иные, чем раньше, нормы.

Ответ: В том-то и дело, что дух противления делает душу тревожной, немирной и отгоняет здоровый сон. Помогает одна ложка, а не пять.

А от химиотерапии – лечения таблетками и другими химическими средствами – верующим людям лучше устраняться, т.к. многие из этих средств сейчас могут быть поддельными и не производить необходимого лечебного эффекта, а то и вовсе вредить (подобно, как вредят множество красителей и консервантов). И на превратности современной жизни ссылаться не стоит. Они не могут диктовать нам свои «иные» нормы жизни, ибо нормы жизни заложены в человеческое естество Творцом. А мир, лежащий во зле, может лишь предлагать нам свои (соблазнительные для человеческих страстей) **искажения жизни**. Но ведь не даром говорят, что «только мертвая рыба плывет по течению» – живая же сопротивляется и плывет против течения. Тем паче верующий человек **может** не сообразоваться веку сему.

Но если это, действительно, болезнь, следовательно, это не подходит под правило. Болезнь нужно лечить, принимать какие-то меры. А если человек просто выспится днем, потому что на него «напало уныние», а потом ляжет вечером спать, то понятно, что он уже не может уснуть. В голову лезут дурные мысли, потом снятся кошмары. И все из-за чего? Потому что он по внушению демона угождал себе, желаниям своей плоти. А потом эти удовлетворенные страсти начинают мучить и душу, и тело. Потому нужно, чтобы человек разобрался сам или рассудил с более духовным человеком и устранил все те причины, которые приводят его к такому состоянию.

Помню, рассказывал один монах из Почаевской Лавры. Однажды на

Уныние – это палач, который убивает энергию, необходимую для получения в сердце Духа Святого. Унылый теряет молитву и умирает для подвигов.

Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не унывайте.

Старец схиархимандрит Захария (1850-1936гг)

него напала настоящая безсонница. Весь день трудится на послушании, вроде бы устает, а ложится спать – минут пятнадцать вздремнет и просыпается: сон отошел, спать уже не может...

«Я, – говорит, – лежу-лежу... Мысли разные в голову лезут, воспоминания, ропот. Раз, два, три такое повторилось. Да что же это такое?! Начал молиться: "Господи, грешу ведь, помоги!" И пришла мысль: "А ты вставай, когда не спишь". Первый раз было трудно встать: полчаса, как лег – и тут вдруг вставать. Первый раз насильно себя поднял. Второй раз немножко легче. И уже если не сплю, то сам себе говорю: "Не спишь – вставай!" Встаю и начинаю молиться. Тут враг, конечно: "Да ты что?! Пожалей себя! Как ты будешь завтра на послушании?.." – и прочее. Но я начал молиться. Чтобы в келии не мешать, выйду в коридор, и хожу тихонечко по коридору, читаю молитву (бывало, что по два-три часа не мог уснуть). И так продолжалось около месяца. Мне даже понравилось: такая хорошая молитва пошла, потому что сон не одолевает. Ведь обычно, особенно когда вечером молишься, борешься и со сном, и с помыслами – как бы двойная брань: враг или в одном, или в другом – в чем-то да уловит. А так сна нет, и только борешься с помыслами. Настроишься отгонять помыслы, и все – идет чистая, сладкая, приятная молитва. Даже ложиться спать не хочется – хотя чувствуешь, что естественно как бы уже хочется спать, а тут такая молитва сладкая идет, что не хочется уже и ложиться...»

И так он подвизался долгое время. Потом куда-то поехал, сбил свой режим и снова стал спать, как обычно. Потом уже и пожалел, что вернулся к нему естественный сон.

Так что из каждого положения, из каждого обстоятельства можно сделать душеполезный вывод и получить пользу для души. И от уныния, и от безсонницы тоже можно получить пользу, если понуждать себя ради Бога трудиться.

Вопрос: Бытует пословица: «Из двух зол выбирают меньшее». Да и у Святых Отцов есть такое: если найдет дух уныния, то, в крайнем случае, заверни голову в мантию и спи. Как же Вы говорите: если днем найдет уныние, и ты выспишься, то это приведет к плачевным последствиям?

Ответ: Я слушаю и просто удивляюсь: насколько сейчас возрастает и совершенствуется страсть самооправдания. «Заверни голову в мантию» – эту фразу в последнее время мне приходится слышать очень часто. Ее вспоминают и приводят в оправдание своей лености и нерадения. Но это – обольщение, потому что преподобный Исаак Сирин говорит о том состоянии, когда

находит **не простое уныние**. Не так, что просто нападает дремота, страсть лености или сонливости, и тогда уже нужно «заворачивать голову в мантию» и спать. Нет. Это говорится о том состоянии, когда, действительно, находит сильнейшее бесовское наваждение – в основном тяжелейшая мысленная брань. И такая, о которой преподобный даже не стал писать. Это когда человек еще стоит, но под ногами у него уже – адская пропасть. И эта бесовская брань бывает настолько тяжела, что человек не может мысленно сопротивляться, не может стоять. И тогда ему, для того чтобы не продолжать стоять на грани погибели, лучше ложиться и спать. Вот к чему относятся вышеприведенные слова святого отца. Но это **очень редко встречающееся в настоящее время** искушение.

К тому же должно заметить, что преподобный подчеркивает: не просто клади голову на подушку и спи, а **«заверни голову в мантию»**. Ибо монашеская мантия обозначает благодать, покрывающую монаха. Т.е. предай себя в волю Божию, не вникая в то мысленное диавольское наваждение, которое тебя охватывает, а лучше ложись и спи. Здесь, действительно, лучше выбрать из двух зол меньшее, потому что это – экстремальные условия духовной брани. В этих случаях лучше спать. А не тогда, когда нас одолевают страсти лености, нерадения, самолюбия, самоугодия, сластолюбия и прочие. (Что-нибудь сделал и сразу: «Ох, я так много сегодня сделал, надо лечь отдохнуть». Не потому, что он чувствует естественную потребность в отдыхе, а так – «просто хочется отдохнуть». Или, к примеру, кто-то из старших сделал ему замечание или выговор, а он ожидал похвалы и благодарения, – тогда предает свою душу во мрак уныния: махнул на все рукой и с помыслами ропота пошел спать...)

Вопрос: Но ведь у нас шла речь об унынии, а не о других страстях.

Ответ: А за удовлетворением самолюбия, самоугодия и сластолюбия последует и уныние. Именно за то, что удовлетворили какую-либо другую страсть, приходит страсть уныния. И если мы все-таки вступим в борьбу с унынием, значит, благо нам будет – мы еще не до конца побеждены страстями. А если бороться не будем, то попадем в еще большее омрачение. И тогда покатится «снежный ком»... Враг будет вести ко все бо́льшему и бо́льшему греху (пока человек не опомнится и не обратится к покаянию – от пропасти погибели не встанет на путь самоисправления).

Вот так бывает. А начинается все с благовидных предлогов саможаления и самоугодия. Удовлетворив свою страсть (осознаваемую или не осознаваемую), человек потом начинает от нее **страдать**. Потому, если мы страдаем, следовательно, мы должны искать причину: какую мы прежде удовлетворили страсть и в чем? И, найдя, каяться. Таким образом, мы избавимся от многих диавольских сетей, в том числе и от уныния.

К 300-летию преставления

Святитель Митрофан

Краткое житие святителя Митрофана, первого епископа Воронежского

Духовная жизнь великого угодника Божия святителя Митрофана, как и жизнь всех святых, сокровенна, и только Господу Богу вполне известны его подвиги, его труды для стяжания Царства Небесного, его непрестанные молитвы, его пламенное сердечное стремление к единению с Богом.

Родился святитель Митрофан (в миру Михаил) в ноябре 1623 года во Владимирском крае, в семье потомственного священника Василия и Марии (или Мавры). Из духовного завещания святителя известно, что он «родился от благочестивых родителей и воспитан ими в непорочном Благочестии Восточной Церкви, в православной вере». До сорокалетнего возраста святитель жил в миру: был женат, имел сына Иоанна и служил приходским священником в селе Сидоровском. Лишившись супруги, священник Михаил в 1663 году принял постриг с именем Митрофан в Золотниковской успенской пустыни, находившейся недалеко от Суздаля.

Через три года иеромонах Митрофан был избран в настоятели усренского Яхромского Космина монастыря. Этим монастырем он Управлял 10 лет, проявив себя усердным игуменом. Его заботами был воздвигнут храм в честь Нерукотворенного Образа Спасителя. Патриарх Иоаким (1674-1690), узнав о святой жизни игумена Митрофана, возвел его в 1675 году в сан архимандрита знаменитого Макариево-Унженского монастыря во имя Живоначальной Троицы. Там попечением нового настоятеля был сооружен храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Макариево-Унжеский монастырь. Фото 2003 года

На Московском Соборе 1681-1682 годов в числе мер для борьбы с расколом и в целях улучшения просвещения среди православных было решено увеличить число епархий.

На новую Воронежскую кафедру 2 апреля 1682 года был посвящен Патриархом Иоакимом и шестнадцатью архипастырями святой Митрофан. По прибытии в Воронеж святитель прежде всего, учитывая трудность времени и низкое нравственное состояние духовенства и паствы, разослал по епархии Окружное послание, в котором призывал к исправлению. «Честные иереи Бога Вышнего, – писал он. – Вожди стада Христова! Вы должны иметь светлые умные очи, просвещенные светом разумения, чтобы вести других по правому пути. По слову Господа, вы должны быть самим светом: «Вы есте свет мира» (Мф. 5,14). Христос Спаситель, вручая паству Апостолу Своему, трижды сказал ему: паси, как бы внушая тем, что три есть различные образы пасения: слово учения, молитва при пособии Святых Таин и пример жизни. Действуйте и вы всеми тремя способами: подавайте пример доброй жизни, учите людей своих и молитесь о них, укрепляя их Святыми Таинами; наипаче же неверных просвещайте святым Крещением и согрешивших приводите к покаянию. Будьте внимательны к болящим, чтобы не отошли от сей жизни без причащения Святых Таин и помазания святым елеем».

Преосвященный Митрофан, первый епископ Воронежский

За время 20-летнего епископства святителя Митрофана число храмов в епархии возросло с 182 до 239; было основано 2 монастыря.

Известно о большой дружбе святителя Митрофана Воронежского со святителем Питиримом Тамбовским (память 28 июля). Они поддерживали переписку и встречались для духовных бесед. История основания близ тамбова Трегуляевского Предтеченского монастыря связана с дружбой святых архипастырей.

Первый Воронежский святитель ревностно заботился о нуждах паствы: искоренял нестроения и беспорядки в обителях, утверждал в них жизнь по иноческому уставу, утешал всех без различия звания и состояния, был покровителем вдов и сирот, заступником обиженных. Его дом служил гостиницей для странников и лечебницей для больных. Молился он о живых и об усопших христианах, особенно о воинах, павших за Отечество.

Святитель Митрофан, как человек высокого патриотизма, своим авторитетом, пожертвованиями и молитвами содействовал преобразованиям Петра I, необходимость и цель которых хорошо понимал. При постройке флота в Воронеже он убеждал народ всемерно помогать Петру, и сам отдавал все свои средства, сознавая, что они идут на благо Родины. Это было очень важно, так как многие считали устройство флота делом безполезным.

Преставление святителя Митрофана

Высокий патриотизм святого епископа соединялся в его душе с твердой верой и строгостью православных убеждений, ради которых он не боялся навлечь на себя царский гнев.

Хотя за ослушание царской воли святителю грозила опала, но он отказался идти во дворец к Петру I, потому что там стояли статуи языческих богов. Царь приказал убрать статуи и с того времени проникся еще большим уважением к святому.

Е. Поселянин описывает случай, свидетельствующий о духовной связи между святителем Митрофаном и чтившим его Петром I уже после их кончины. Однажды в Петропавловском соборе Петербурге увидели человека, усердно молившегося перед гробницей Петра I. На вопрос, почему он это делает, человек тот ответил, что ему повелел молиться Святитель Митрофан.

Однажды во сне святой епископ явился ему и сказал: «Если хочешь быть мне угодным, молись об упокоении души императора Петра Великого».

Скончался святитель Митрофан 23 ноября 1703 года, в глубокой старости, приняв перед смертью схиму с именем Макарий, в честь преподобного Макария Унженского, с которым духовно сроднился во время настоятельства над Макариево-Унженской Троицкой обителью.

Гроб с телом великого святителя нес до усыпальницы сам Петр. Прощаясь, он сказал: «Не осталось у меня такого святого старца. Ему же буди вечная память».

Современники святителя не оставили нам никаких памятников с описанием его христианских подвигов, и только духовное завещание открывает те благодатные сокровища любви и смирения, которыми была преисполнена его душа.

В этом завещании, проникнутом духом молитвы, он обнимает всех своей любовью, желая и по кончине своей всегда поучать паству свою.

Обращаясь к пастырям и пасомым, святитель говорит: «Для всякого человека таково правило мудрых мужей: употреби труд, храни мерность – богат будеши; воздержно пий, мало яждь – здрав будеши; твори благо, бегай злаго – спасен будеши... да пребывают все православные христиане в прародительстве своем благочестиво и праведно, во всякой чистоте, в воздержании, святыне и покаянии, веру же православную заповедую любить; и Церковь Святую едину во всей вселенной, как мать, чествовать и пребывать в ней неотступно; и предание и учение святых отцов содержать крепко и ни в чем не поругано и непоколебимо иметь. Как без веры правой угодить Богу невозможно, так и без Церкви Святой Восточной и светлого Богопреданного ее учения невозможно кому спастись».

С 1820 года число почитателей памяти святителя Митрофана чрезвычайно увеличилось, и Воронежский архиепископ Антоний II (1827-1846) неоднократно доносил в Святейший Синод о чудесах по молитвам святого.

В 1831 году было обретено нетленное тело святителя Митрофана и совершено прославление его в лике святых – русская православная Церковь совершает память святителя трижды в год: 23 ноября – день преставления, 7 Августа (1832 года) – день прославления, 17 сентября – день второго обретения мощей.

В Воронежской епархии Архиепископ Антоний II установил следующие празднования в честь святителя Митрофана: 4 июня – день тезоименитства; 2 Апреля – день архиерейской хиротонии (1682 года); 11 декабря – обретение мощей (1831 года).

Первая икона святителя Митрофана была написана в 1830 году художником Шевцовым после явления ему святого архипастыря в видении, которое предсказал Воронежский архиепископ Антоний II.

Совершая память великого и смиренного угодника Божия святителя Митрофана, первого епископа Воронежского, вчитываясь в его житие и внимательно слушая прославляющие его церковные песнопения, мы учимся у него, как надо любить ближних, заботиться о каждом человеке, исполняться любовью к своему Отечеству, ценить и твердо хранить православную веру и всем сердцем и разумом любить Господа.

Открытие мощей святителя Митрофана, 1832 год

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

В память вечную будет праведник (Пс. 111,6)

Слово преосвященного Никона, епископа Задонского, сказанное на панихиде по схиархимандриту Виталию (Сидоренко) 30 ноября 2003 года

Царство Небесное, место покойное схиархимандриту Виталию. Господь Бог ублажит его и упокоит, а нас помилует.

Сегодня мы вспоминаем во блаженном успении схиархимандрита Виталия. Если сравнить панихиды по нему в нашем монастыре сегодня и несколько лет назад, то окажется, что раньше не было такого хора, не приходило столько братии, да и сама панихида была простая. Но каждый год в этот вечер все больше приходит и приезжает сюда людей, потому что отца Виталия начинают познавать через духовные книги, проповеди и прибегать к нему за помощью. И я радуюсь этому.

На Руси был целый сонм чудных великих старцев, один из которых – схиархимандрит Виталий. Он жил и подвизался в Грузии, на Украине и на нашей родине – в России. И сейчас в Таганроге, в Шахтерске и в соседних наших областях есть много людей, которые помнят Батюшку. Я уверен: найдется еще множество его духовных чад, которые скажут, и напишут о нем намного больше, чем сказано и написано теперь.

Все, кто знал отца Виталия, помнят его дивное отношение к человеку: все для Батюшки были одинаковы – он всех любил и жалел. Когда он встречал нищего – всегда старался что-нибудь ему дать. Если же у Батюшки ничего не было, он за него молился. Он постоянно брал чужие болезни на себя. Я – живой свидетель того, как он относился к людям. Это чудный человек. Для него никто никогда не был плохим: встречал ли он пьяного, разбойника – все они становились ему друзьями. Он имел такое внутреннее устроение, что к нему все тянулись. Помню, я сам был, будто в тумане, как бы в опьянении от его присутствия, потому что мне с ним было просто хорошо. А его поучения, признаюсь, вспоминались по крупицам только потом – по приезде домой или спустя некоторое время. Не было человека, который, побывав возле Батюшки, не захотел бы постоянно быть с ним.

20 лет я чуть ли не каждый месяц летал к отцу Виталию на самолете. Но там – у Батюшки – нам, его чадам, было трудно, частенько происходили различные искушения. Например, случалось, что очень хотелось кушать – под ложечкой, как мы говорим, сосало. А начинается трапеза, я немножко поем – и все, уже больше не хочу. Кормили нас там два раза в день. До вечера снова проголодаешься, опять начинает сосать, думаешь: «Когда же трапеза? Дома-то я, может быть, раза два бы уже покушал». Садимся ужинать – опять то же самое!

Трудно было и молиться, трудна была вообще вся обстановка, потому что к Батюшке приезжало очень много больных, и они, конечно же, привносили тяготу той атмосферы. Нам очень хотелось побыть с отцом Виталием, но в то же время тянуло бежать оттуда, ехать, лететь домой. И когда дня через два или три нам надо было уезжать, мы как на крыльях летели, будто какая-то сила гнала нас от Батюшки – так кто-то не хотел, чтобы мы были последователями схиархимандрита Виталия. И это не только мое впечатление – спросите у любого, кто там побывал: у мать Анны, игумении Варвары или других людей, которых я возил с собой к отцу Виталию…

Иногда, чтобы как-то нас утешить, Батюшка с утра благословлял нам сначала ехать в храм Александра Невского помолиться, а потом отправляться по святым местам. К вечеру мы возвращались домой. Это была как бы разгрузка – и нам, и другим людям, которые приезжали – и в то же время небольшой отдых отцу Виталию: ведь ему нужно было с нами общаться, что-то говорить, читать, наставлять, а он был очень болен – мы все привносили определенную тяготу для Батюшки. Но он никогда и никого не оставлял без внимания. Когда сегодня необычайная его жизнь вспоминается нами, мы думаем: «Как же мы не ценили его отношения к нам, не жалели его?» У нас постоянно были какие-то свои проблемы, вопросы или просто хотелось посидеть с ним, а ему, конечно же, приходилось очень трудно.

Но как бы тяжело или больно ему ни было, при нас он никогда не издавал ни одного звука «ох!» – если уж совсем становилось плохо, он катался от боли по тахте из стороны в сторону, приговаривая: «Вот раб Божий! Вот раб Божий!» – а сам улыбался…

Я видел его плачущим только тогда, когда мы хоронили Владыку Зиновия, митрополита Тетрицкаройского. На похоронах он плакал, потому что очень любил Владыку и без его благословения никогда ни одно-

го дела не делал. Конечно, он насквозь видел людей, их души, прозревал их жизнь и мог свободно дать совет или благословение, но частенько говорил: «Спросим Владыку: как он благословит, так и сделаем». И мы шли к Владыке Зиновию: «Отец Виталий послал к Вам». А Владыка в ответ: «Вот раб Божий! Ну, что ж, Бог благословит. Как он сказал?» – «Вот так». – «Ну, так и делайте».

Владыка Зиновий и Батюшка Виталий – это были два чудных старца, которые жили едиными устами и единым сердцем. Если становилось плохо владыке Зиновию – схиархимандрита Виталия тотчас же везли к нему. Было плохо отцу Виталию – об этом тотчас же докладывали владыке Зиновию, и тот молился за него в келье. Мы чувствовали их неразрывную связь. Если отец Виталий что-то благословлял, то можно было быть уверенным, что Владыка скажет точно так же.

Помню, мне почему-то казалось, что кошке можно давать кушать продукты, окропленные святой водой. У меня на приходе в храме трудились алтарница монахиня Мариам и псаломщица монахиня Аркадия, обе – духовные чада старца схиархимандрита Рафаила, что подвизался в Тамбовской области. Они рассказывали, что отец Рафаил всегда был с кошкой, и на службе она находилась у него в храме или в алтаре. И вот я как-то приехал к отцу Виталию и поинтересовался: «Батюшка, а кошке с канона можно давать?» Он говорит: «Нельзя, если окроплено святой водой». Внутренне я с ним не согласился. И он, провидя это, сказал: «Ну, спроси у Владыки». И когда я поехал в церковь Александра Невского, то зашел к митрополиту Зиновию и задал этот вопрос: «Владыка, так и так: если продукты с канона уже окропили святой водой, можно ли их давать кошкам или собакам?» Он ответил: «Ни в коем случае нельзя»... Происходили и другие подобные случаи, когда достаточно было просто согласиться с тем, что сказал Батюшка и не идти переспрашивать у Владыки, потому что их ответы полностью совпадали.

Мы, чада отца Виталия, приезжая к нему, решали с ним множество своих насущных проблем: о поступлении в вузы, о здоровье (делать ли, например, операцию), об армии... Но по смирению своему (уже после смерти Владыки Зиновия) Батюшка зачастую применял один старческий прием. Когда к нему приходили с какими-то вопросами, он не отвечал напрямую: «Сделай так-то», – а звал мать Марию (в настоящее время – схинигумения Серафима; не забывайте поминать ее в своих молитвах) и советовался с нею. И когда она говорила: «Отец Виталий, я думаю, вот так им нужно сделать». Он подтверждал: «Ну, вот: мать Мария так советует – так и делай». Конечно, Батюшка знал, как в данном случае нужно поступить. Но по смирению спрашивал у мать Марии. И если она говорила согласно его намерениям, подтверждал сказанное ею.

Полюбите ближнего! И вы полюбите Христа. Полюбите обидчика и врага! И двери радости распахнутся для вас, и Воскресший Христос сретит вашу воскресшую в любви душу.

Из писем схиархимандрита Виталия

Это подобно тому, как сделал преподобный Сергий Радонежский, когда десять человек привели к нему бесноватого – он пригласил братию и предложил вместе помолиться за несчастного. После общей молитвы преподобный перекрестил больного, и бес мгновенно его оставил. Преподобный Сергий мог бы сразу перекрестить и исцелить болящего, но не хотел показать, что имеет великую силу. Так поступал и отец Виталий...

Мне сейчас кажется, что мы были, как слепые котята – жили и не видели, какое счастье, какой великий старец был возле нас. Мы общались с ним просто, потому что он был простым.

Некоторые спрашивали его: «Батюшка, мы не можем к тебе приезжать очень часто, а бывает, что нужно решать множество важных вопросов – к кому идти за благословением?» А он так строго отвечал: «А что: разве у вас нет родителей?! Отца-матери нет?! Вы не понимаете, что такое родительское благословение: родители благословляют – Бог благословляет! И зачем кого-то искать, какого-то старца, когда у вас родители живы?!»

К Батюшке постоянно приходило и приезжало множество людей. А он, живя в народе, жаждал уединения. Но как преподобного Серафима Матерь Божия позвала из затвора к людям, так и отца Виталия Господь позвал из леса, из гор. Но не просто сказал: «Иди и утешай людей[1]», нет. У него были сильнейшие болезни, одни из которых сменяли другие. Например, когда в горах у него зарубцевались легкие, открылись две язвы желудка. Старцы благословили ему провериться и делать операцию, но он все оттягивал, а сам принимал и принимал народ. Он катался от боли, терял сознание! А люди к нему шли и шли.

Отец Виталий полностью отдал всего себя на послушание старцам, которые окружали его – сначала схиархимандриту Серафиму, потом митрополиту Зиновию. И когда митрополит Зиновий благословил его на операцию, он, нисколько не сумняшесь, принял это благословение, как благословение Божие, для того чтобы еще побыть среди нас, помочь нам в наших бедствиях. Но после операции у него обнаружились другие болезни. Если б вы только видели, какую нес он тяготу! У нас, бывает, загноится пальчик, и мы от боли чуть не плачем и кричим, а у Батюшки отболела почка! Нам иногда бывает трудно просто с кем-то поговорить, пообщаться, а Батюшка весь горел, температурил, но каким бы он ни был, он всегда принимал людей и молился за них! И еще укорял мать Марию, что она их к нему не допускает!

Несмотря на свои болезни, Батюшка очень много молился. Днем мы с ним беседовали, не давали покоя, и поэтому он молился, когда мы ложились отдыхать – то есть ночью. Он знал о том, что о нем идет слава, как о великом, прозорливом, святом старце, молитвеннике и целителе, и всегда себя при нас укорял, говорил, что он объелся, как кабан, и спит – не молится. Мы сейчас понимаем, что он все это говорил про нас. Но, зная, как трудно человеку что-то сде-

[1] см. житие Серафима Саровского

лать с собой, изменить свой образ жизни, он сам, своим примером, несмотря на множество болезней, старался показать всем, кто приходил к нему, как нужно молиться, как нужно делать поклоны…

Он прошел свою жизнь через страдания. Однажды он мне сказал: «Вот посмотри рукой у меня на бедре». Я попробовал: под плотью передвигались косточки – так его когда-то избили! Однажды это все воспалилось, и косточки стали выходить. Поднялась очень большая температура, больше сорока, а делать операцию было никак нельзя: не выдержало бы сердце. И Батюшка это все перенес!

Я как-то задумался, почему этот гнойник не вскрылся раньше? Да потому что прежде было достаточно двух язв желудка, белой грыжи и других болезней.

Помню, Батюшка рассказывал: когда ему ставили катетор, чтоб просветить желудок, то порвали пищевод. Отец Виталий говорил: «Я на эту вещь потом без трепета не мог смотреть!»

Он часто брал на себя и нес болезни многих. Допустим, кто-то приезжает и, плача, говорит: «Батюшка, у меня ужасные головные боли! Помолись, чтоб все прошло». Он просит Господа дать эти головные боли ему, а сам потом не знает, куда от них деться. Чтобы немного облегчить страдания, отец Виталий перевязывал голову платком. Как-то он поделился со мной: «Лежу – теряю сознание от боли; встану, начну ходить – падаю от слабости». И те, кто выздоровел, конечно, никогда не забудут его милости, никогда не забудут, что он для них сделал.

Сейчас трудно найти такого человека, который бы взял на себя чужие грехи (ведь болезни посылаются нам за грехи), а он взял на себя и тяготу, и вар, и зной.

Я хотел бы, чтоб вы помнили об отце Виталии. Нам сегодня так нужен мудрый советник – тот старец, который бы управлял нами, помогал бы определиться в жизни. И нам его так не хватает!

При жизни Батюшки к нему приходило множество народа и никто не оставался без утешения. И сейчас мы обращаемся к нему, как к живому, чтобы он помог устоять в предстоящее нам трудное и сложное время. И он, конечно, помогает тем, кто его просит. Ведь у Бога нет мертвых – отец Виталий жив, он видит нас и знает наши проблемы. Иначе мы бы не испытывали той радости, того утешения, которое получаем, когда читаем книгу о нем, когда видим его фотографию, когда поминаем его в своих молитвах.

Сейчас есть множество сведений о его посмертной помощи людям.

Могила отца Виталия, г. Тбилиси

Это не миф и не легенда – это, действительно, так. Но не надо ставить его фотографию с иконами и молиться Батюшке – поставьте фотографию в стороне и попросите его о помощи своими словами, как если бы вы говорили друг с другом. Он помогает многим – нужно только попросить его, попросить со слезами, потому что как при жизни на земле он был очень любвеобилен и сострадателен ко всем, так и там – на Небе – не оставляет нас.

Почему мы живем в этом монастыре, и милость Божия здесь велика? Потому что тут мощи святителя Тихона и благословение отца Виталия создать на этом месте монашескую общину. И если при жизни Батюшка говорил мне: «За тебя и за ваш монастырь у меня горит неугасимая свеча», то можно надеяться, что тем более на Небе эта свеча никогда не угасает, и Батюшка старается нас защищать.

Но еще при жизни отец Виталий говорил нам: «Готовьтесь к страданиям – старцы говорят, что в 1997-1998 году придет антихрист». Да, антихрист уже есть. Если бы это было не так, жизнь у нас была бы совсем другая. Но не пришло еще время взойти ему на престол. И отец Виталий, зная о том, что нам придется дожить до этого времени, говорил: «Нужно немножко запастись сухарями. И одежду лучше держать возле двери».

Сейчас, вероятно, многие не знают, что произошло в Покровском мужском монастыре в Харькове: среди бела дня милиция в штатском вывезла неизвестно куда 20 человек монахов. Один из насельников, идя в машину, сказал наблюдавшей все происходившее прихожанке: «Мы теперь с вами встретимся только в Царствии Небесном». И до сего времени (с 19-го сентября) их местонахождение неизвестно.

Так вот, дорогие, Батюшка постоянно заострял наше внимание на том, что антихрист уже ходит среди людей. Это не мои слова – это могут подтвердить многие из тех, кто у него был: Батюшка постоянно нам говорил, чтобы мы были всегда в молитве готовыми идти на страдания. Он добровольно принял крест терпения болезней, а мы с вами не хотим страдать и стараемся всеми силами освободиться от болезней – значит, к нам придут другие страдания – не через болезни, а через разные испытания и гонения.

Будем помнить о схиархимандрите Виталии.

И хорошо бы, если бы мы следовали его примеру. Он возделывал свою душу, лепил ее как из пластилина, чтобы она была кроткой, смиренной, любвеобильной, сострадательной, мягкой, доброй – ведь только такая душа может наследовать Царство Небесное. Как говорят Святые Отцы, молитвы, песнопения, чтения – это все леса для того, чтобы построить дом нашей души. Но как нелегко само построение этого дома! Батюшка прожил очень трудную жизнь, но он создал и приобрел все то, что нужно для спасения души. Так будем же и мы, дорогие, первоначально возводить свои «леса» – это наши поклоны, пожертвования, молитвы, посты, бдения, участие в Таинствах, в Божественной литургии – чтобы приступить и к постройке самого дома: приуготовить душу в смирении, кротости, терпении для Вечноблаженного Царства. Аминь.

Царство Небесное и место покойное схиархимандриту Виталию. Господь Бог ублажит его, упокоит, а нас помилует, яко Благ и Человеколюбец.

Свято-Троицкий Тихоновский женский монастырь в Задонске

(Часть 2)

Заручившись, через ходатайство архимандрита Троице-Сергиевой лавры Антония, поддержкой митрополита Московского Филарета, осиротевшие после кончины Матроны Наумовны сестры-страннопримницы уже чаяли скорого разрешения своей просьбы об «утверждении от правительства» своего благотворительного учреждения. И действительно, в Синоде «прошение девицы Черных», сопровожденное рекомендательным письмом святителя Филарета, без внимания не оставили. «Ходатайству об учреждении общины было дано движение», – как выразился один из историков обители – А. М. Правдин. Соответствующий запрос по существу дела из Синода направили в Воронежскую Духовную Консисторию.

В то время епархию Воронежскую окормлял архиепископ Парфений (Чертков), большее внимание уделявший формально-административному устроению вверенной его попечению территории. А потому за его подписью в Синод последовал ответ, однозначно отвергавший идею создания в Задонске «общества сестер милосердия». «Прошение крестьянки Черных, – писала Консистория, – удовлетворить не можно до тех пор, пока ею не будут изысканы верные и достаточные средства к устройству желаемого заведения, с церковью при нем», – сказано в рапорте преосвященного Парфения от 15 марта 1852 г.

В подтверждение своего категорического отказа епархиальное начальство указало на следующие моменты:

а) в прошении не значится, завещала ли умершая Наумова какое-либо обезпечение для устройства будущего заведения;

б) просительница Черных пишет, что под устройство заведения протоиерей Петр Алекеевский жертвует землю, но ни актов на эту землю, ни согласия от протоиерея не приложено;

в) указывается, что в случае построения церкви, в ней согласны отправлять богослужение безмездно соборные священно-церковнослужители г. Задонска, но о таком согласии их нет письменного от них самих заявления;

г) из прошения видно, что общество не ожидает никаких окладов ни от казны, ни от духовного начальства, а надеется на христианское милосердие ближних, которые пожелают ему предоставить единовременные или срочные пособия, а значит, если дозволить устроение просимого заведения, то сестры обратятся к испрашиванию подаяний, и, в случае неуспеха, создаваемое общество «должно остаться недоконченным и в запустении».

Вот как прокомментировал рапорт архиепископа Парфения П. В. Никольский: «Точка зрения Консистории – совершенно обратная взгляду митрополита Филарета. Консистория рассуждала с точки зрения формальной и чисто казенной законности. Но она совсем не считалась ни с живым делом, уже действовавшим в продолжение 40 лет, ни с тем духом, каким было проникнуто это дело, ни с той традицией, которая связывала это святое дело с именем и подвигами Святителя Тихона».

Со сходной точки зрения посмотрели на послание из Воронежа и в Синоде. В ответном указе на имя архиепископа Воронежского Парфения от 17 июля 1852 г. Св. Синод напоминает, что Тихоновское женское общежитие существует в г. Задонске уже около 40 лет, и «хотя оно и не имеет ныне довольно вещественного обезпечения, но к сему предвидится надежда на благотворительность православных, которою поддерживается большая часть подобных учреждений».

В связи с вышесказанным, Св. Синод поручил преосвященному Парфению «обратить особое на дело сие внимание» и предоставить свое заключение о способах к обезпечению дальнейшего существования учрежденного Матроной Наумовной Поповой общежития, под ведением и руководством духовного начальства.

«После столь авторитетного разъяснения можно бы, казалось, ожидать, что вопрос о законном утверждении Задонского общества сестер милосердия не замедлит получить благоприятное разрешение. Однако прошло и еще 7 лет только в переписке», – замечает, комментируя дальнейшие события, А. М. Правдин.

Тем временем, пока шла затянувшаяся служебная переписка между Синодом и Воронежской Духовной Консисторией, в близких к Воронежскому епархиальному руководству кругах возникла идея «в видах экономии хозяйственных способов» объединить две женские общины – в Тюнино и Задонске – в одну. На это предложение, угрожавшее самому

Когда место только что было пожертвовано Матроне Наумовне, то сестры сокрушались, что они далеко будут жить от храма. Старица сказала им: «Ох вы малодушные! Что вы напрасно скорбите? Полно вам глупить; молитесь только, а Матерь Божия так умелосердится, что вы в своих келейках будете, а службу Божию услышите».

Из наставлений старицы Матроны

отдельному существованию Наумовской общины, сестры странноприимного дома в декабре 1852 г. ответили решительным отказом: «и что изволите вы нам предлагать, – писали они в духовную консисторию, – устроить наше общество близ кладбищенской Живоносно-Богородицкой церкви, мы на сие согласиться никак не можем, и завещания покойной нашей матери Матроны Наумовной изменить никак не осмелимся и почитаем это за большой проступок, а желаем устроить на известном месте близ города, как нам уже приказано покойницей».

Архиепископ Парфений (Чертков), с 1850 г. по 1853 г. управлявший Воронежской епархией

К прискорбию сестер, сохранявших традиции учрежденного Матроной Наумовной странноприимного общества, мысль о слиянии обоих общежитий нашла горячую поддержку у попечительницы Тюнинской общины, вдовы Е. Н. Богачевой. Не раз бывавшая на богомолье в Задонске, лично знакомая с Матроной Наумовной, Елена Богачева уже приняла на себя хлопоты о женской общине в Тюнино, добиваясь ее утверждения в качестве официально признанного учреждения. И вот решила столь же активно поспособствовать устроению дел сестер-странноприимниц. При этом Богачева утверждала, что действует по благословению самой скончавшейся старицы Матроны: «В бытность мою в г. Задонске, вскоре после смерти моего мужа, получила приказание от старицы Матроны оставаться на ея месте и принять на себя устройство женского общежития на том самом месте, которое занимает ныне странноприимный дом, находившийся под ее смотрением. Затем получила известие, что, умирая, старица Матрона повторяла окружавшим ее, чтобы они непременно пригласили меня из столицы принять попечение об устройстве их общества вместо нее самой».

Богатая петербургская купчиха была принята в весьма влиятельных домах, так что ей оказалось несложно найти достаточно серьезных покровителей внешне правильной и здравой идее объединения двух бедствующих порознь женских общин, созданных в память о святителе Тихоне, духовная слава которого все ширилась.

В феврале 1853 г. князь Александр Голицын писал к архиепископу Воронежскому Парфению: *«Сестра Татьяна Борисовна и многие другия с нею высшего круга лица, о которых передам Вам лично при свидании, возложили на меня поручение передать Вашему Высокопреосвященству прилагаемую записку, с просьбою удовлетворить просительницу (Богачеву). Я взялся написать и просить Вас, потому что не усматриваю ни малейшей причины не согласиться на дело доброе».*

В приложенной к письму памятной записке сообщается следующее: «Высокопреосвященного Парфения Воронежского нужно просить, чтобы разрешил в г. Задонске быть женскому общежитию при кладбищенской Живоносного Источника Б. Матери церкви в Тюнине, в которой есть священник, два причетника и 40 сестер живут более 30 лет; а новое место, принадлежащее странноприимнице Матроне Наумовне, на котором находятся 30 сестер, и [хлопочут] дозволить быть больнице с церковью, *чтобы было сие место подворьем Тюнинского общежития, и эти две общины соединить вместе,* и с Божиею помощью и доброхотных дателей начинать устраивать монастырь». Вслед за тем приезжала в Воронеж сама Е. Н. Богачева, и как лично на словах, так и письменно «объяснила о своих намерениях в указанном смысле преосвященному Парфению».

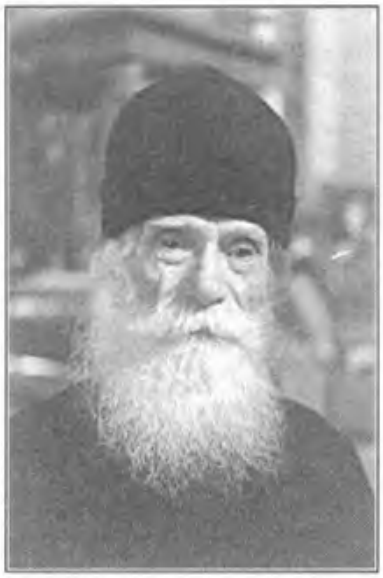
«Ошибалась однако Богачева, – замечает А. М. Правдин, – когда утверждала, что место при кладбищенской церкви, в 2-х верстах от Задонска, как более безмолвное и уединенное, лучше будто бы соответствует цели устройства общежития, завещанного старицей Матроной, или когда домогалась устроить его в виде подворья к Тюнинской общине. В задачах и стремлениях обоих этих учреждений замечалась глубокая разница: тогда как Тюнинская община желала воплощать в себе идеалы собственно иноческой жизни, подвижничества, отрешенного от мира, Наумовский дом ставил себе идеалом подвижничество практическое, деятельное служение и помощь ближним. Для него требовалась не отдаленность от города, от места скопления людей, а возможная к нему близость, самый этот центр скопления странников и богомольцев, между которыми есть усталые, голодные, холодные, недугующие, страждующие, люди требующие облегчения, призора, успокоения; требовалась не келья замкнутая, а открытый дом, настежь дверями; не пустынное уединение, а многолюдная площадь»...

Именно так понимал ситуацию и великий иерарх Московский – митрополит Филарет, выразив свое мнение в замечательных словах вышеприведенного письма к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову: *«если удостоены утверждения женские общежития, имеющие целью только собственную тихую и благочестивую жизнь сестер, то можно полагать, что не менее, или даже более достойно утверждения общежитие, которое к вышеозначенной присоединяет другую цель – оказывать человеколюбие бедствующим ближним».*

Но новые аргументы, более практического свойства, выдвинутые в Воронеже и поддержанные ходатайством Е. Н. Богачевой, повлияли и на графа Н. А. Протасова, который решительно склонился к мысли об учреждении одного Тюнинского монастыря с подворьем в виде общины Матроны Наумовой.

(Продолжение следует)

Текст данной публикации основан на статьях А. М. Правдина «Женские монастыри Воронежской епархии, основанные в XIX веке» и П. В. Никольского «Задонские монастыри, как памятник святителю Тихону».



Диакон Николай Трубчанинов, 1998 год

КРАСНАЯ ТУШЬ

В конце 80-х в домик, где жил престарелый диакон о. Николай Трубчанинов, ворвались двое бандитов. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» – взмолился старчик. И в ответ услышал злобно-ироническое: «Сейчас помилует!» Потом был удар по голове железом. Потом еще и еще… Бандиты били наверняка – заметали следы. Золота они не нашли, но человека убили – по крайней мере, думали, что убили: разбитая голова, истоптанное тело, перерезанное горло, проткнутая ножом грудь не оставляли жертве никаких надежд. «Уже помиловал», – цинично заключили убийцы, окончив свое грязное дело.

Но Великий и Славный Бог – Бог-ревнитель – не бывает посрамлен и не посрамляет никого, кто истинно надеется на Него. «Когда бандит коснулся ножом моего горла, – вспоминал впоследствии "оживший" о. Николай, – меня осветило молнией. Такая молния, что я с закрытыми глазами видел. И нож их столкнулся с этой непобедимой силой и издал такой звук, какого на земле никто не слышал и слышать не будет. А у меня в тот момент пролетела мысль: ***"Не умру, но жив буду и повем дела Господня!"*** *(Пс. 117,17)»*

И поведал. Вскоре о сем явлении силы Божией узнал весь мир…

Отец Николай здравствует и поныне. Он принял священный сан и великую схиму, в которой наречен Амфилохием.

Приезжал батюшка Амфилохий и в Задонск – поклониться святителю Тихону. Кротость и простота: только и скажешь – дите Божие. Он много рассказывал нам о своей жизни.

Да будет же сие повествование во славу, честь и благодарение Великому Богу нашему, не престающему подавать Свои милости всем, верующим в Него, от ныне и до века.

«Господи, мир Твой даждь нам!» – сколько мы просили во время войны, и старые, и малые. И мы получили его. Но долго ли у нас этот мир был? Восстали снова против Церкви Христовой…

Было у нас шестьдесят соток церковной земли. Приехал уполномоченный и обрезал до десяти. Потом разрешили нам, согласно закону, построить ограду. Правление колхоза заседало, лес достали. Когда заканчивалось возведение этой ограды, осталось только арку поставить, подъезжает председатель колхоза. Нас там работало человек четырнадцать. Выбегают из его машины четыре работника и начинают ограду ломать. Строитель Фролов, который сам пришел с соседнего поселка и не за деньги трудился, подходит к ним и так смиренно спрашивает:

– Ребята, что вы делаете?

– Ломаем.

– А кто вам дал право?

– Он нас заставляет, – и указывают на председателя.

Вмешался председатель и с такой злобой:

– А я вам давал документ?!

– У нас же свыше есть, из области. И мы с ним к вам обращались. Платили за распиловку леса. Все ж не самовольно.

Он еще сильнее распалился: «Сегодня же подгоню бульдозер и все сгорну в кучу вместе с молитвенным домом!»

А мне и нужно было сказать:

– Смотри, чтоб тебя Господь не «сгорнул», как ты обещаешь это сделать.

И так случилось, что на второй день его увезли в больницу – парализовало.

Но безчинство продолжалось. Ночью к церкви подошли четверо, сорвали крючки, двери. Сторож убежал, а строитель Фролов остался. Они вытащили его и стали бить. Он закричал: «Караул! Спасайте!» Но кто ночью услышит?

Потом эти бандиты вызвали с райцентра милицию и составили на Фролова и на церковного старосту акт: организованная провокация – сами сломали ограду, избили человека, а на советскую власть пятно кладут.

Прибегает ко мне сторож: «Вот такое случилось». Мы сразу к старосте. Жена его говорит: «Милиция только что забрала. И Фролова тоже». Это в час ночи. Ну что ж делать ночью?

Утром сбежались люди, видят такой разбой. Надо подавать жалобу. Подписали многие. Поехали мы со сторожем из своего села Борисовка в область, в Днепропетровск. Нашего уполномоченного нет. Сторож уехал, а я остался. На второй день приехал уполномоченный. Принял ласково.

– Что у вас?

– Да, вот, посадили старосту, строителя Фролова, избитого.

Уполномоченный прочитал жалобу и говорит:

– У вас судебное дело. Приеду, сфотографируем, чтоб было доказательно.

Возвращаюсь домой. Ждем его день, другой. На четвертый день объявляется. И едет не к нам, а в контору. Старосту и Фролова привезли как арестованных.

– А у кого документ, который я давал на строительство? В делах церковных или у вас? – спрашивает у старосты.

– Я лично держу, – отвечает тот.

– Вы можете показать?

– А зачем он вам?

– Ну, я хочу посмотреть, какого числа выдан.

– Так у вас же есть копия.

– Вы что, уполномоченному не доверяете?

При этих словах староста отдал документ. Тот взял и говорит:

– Теперь вы свободны. Идите к церкви, мы сейчас подъедем.

– Отдайте документ, – просит староста.

– Он тебе уже не нужен.

Около церкви собрались люди. С уполномоченным приезжают секретарь райисполкома с Никополя, наши местные власти. Никому ни слова; проходят в церковь.

– А что это у вас: службы нет, а лампады горят? – спрашивает уполномоченный.

– У нас сегодня праздник, Покров Божией Матери, – отвечает староста.

– Да, это большой праздник.

Осмотрелись вокруг и говорят между собой: «Дом очень хороший». Зашли в алтарь, посмотрели, выходят оттуда, и к народу. Староста и Фролов здесь, уже освобожденные. Следов избиения на них нет, били так, чтоб не видно было.

– Что вы здесь собрались? – спрашивает уполномоченный.

– Так мы вас уже четыре дня ждем. Смотрите, что нам сделали.

А он так гневно:

– Вините своего старосту, он не имел права строить!

Я тут возле него стою и говорю:

– Как не имел права? Вы ж лично дали документ на строительство.

Он как махнет рукой, чуть не по лицу:

– Какое твое дело?

– Как какое мое дело? Мы ж-то со старостой у вас были, и вы сказали: «На основании закона вам выдается документ».

Ни слова не говоря, он сел в машину и уехал. Вместе со всем начальством. На старосту они сложили такую вину: перегородил дорогу, колхозникам нельзя выехать на работу, занял колхозную землю, учинил разбой с провокационной целью.

Мы пишем вторую жалобу, и я еду в Киев к республиканскому уполномоченному. Прочитал он и спрашивает:

– Так это ж банда?

– Как банда? Коммунисты.

– Такого права и коммунистам никто не давал. Судить будем. Примите жалобу, – указывает секретарю, – и дайте ему справочку.

Когда выпроваживал, сказал: «Вам все восстановят».

Пока я ездил, они все там попереломали. Ограду побросали в кучу. На второй день еду в Днепропетровск, к своему уполномоченному. Один. Никто ж не едет: кто старый, кому на работу.

Уполномоченный то всегда встречал приветливо, а тут я только открыл дверь, а он: «Закрой, я занят». Сажусь на стул против кабинета. Думаю: самый последний, но зайду. Минут через двадцать пошел он на второй этаж; вернулся; на меня никакого внимания. Потом приглашает. Захожу. Он пододвигает мне бумагу.

Посещение о. Николаем Задонского мужского монастыря, 1998 год

– Вот, подпиши, а затем будем разговаривать.

– Я не приехал к вам подписывать ваши документы. В Киеве мне сказали, чтоб вы посмотрели вторую жалобу.

– Ах, так это ты наврал! Телефон трещит целыми днями!

– Телефон трещит, он добивается правды. А вас Господь поставил, чтоб вы не допускали на церковь вот такого беззакония.

– Меня не Бог поставил, а партия!

– Хоть и партия, но вы ж законно должны действовать. И дали документ.

– Жалею, что не отобрал его раньше. Наврал в Киеве, наврал!..

– Давайте мне тот документ, я пойду к прокурору области, как мне сказал республиканский уполномоченный.

– Так ты еще будешь по прокурорам ходить?! – и кулаком о стол. – Уходи отсюда!!!

– Пока вы не отдадите мне документ, я не уйду.

– Сейчас вызову милицию!

– Вызывайте, вот мы и будем знать, за что мы воевали. Староста с осколками в груди с фронта вернулся. Сын у него – армейский капитан. А у Фролова три сына были в рядах Красной Армии, защищали нашу Родину. А сам он шахтер, выполнял по несколько норм, чтобы помочь разбить фашистов.

– Это враги народа! – кричит он.

– Кого вы так называете? А кто у вас друзья? Вот эти, что побили ограду и людей, – это ваши друзья?! Давайте мне документ, я пойду к прокурору.

– Я тебе сказал: выйди или вызываю милицию!

– Вызывайте. Будем знать, за что кровь лилась.

– Я еще ни с кем столько времени не тратил! Вон отсюда!

А у меня был с собой флакон туши – красной. Я его вынимаю, откручиваю. Уполномоченный сидит в кресле – здоровый такой мужчина, красивый.

– За вашу правду да благословит вас Господь! – и вылил ему на голову тушь крестообразно. И она потекла. Уполномоченный то был от гнева красный, а тут побледнел, стал белый как стена. Поднялся с кресла и говорит:

– Николай, разве нам нельзя было без этого решить?

– А вот теперь решайте, вызывайте милицию.

– Мне ж стыдно выйти, что ты мне сделал?

Как схватился за голову, а руки в «крови». Кто ж подумает, что это тушь. И до меня дотронулся, и мне попало на руку и на плечо, красное.

Повторяю ему про милицию, а он как в столбняке.

– Телефон же у вас на столе.

Чуть пришел в себя, забормотал:

– Что ты мне сделал, что ты мне сделал…– стучит в стенку. Другой уполномоченный открыл дверь, как глянул… и тут же захлопнул. Побежал к дежурным милиционерам. Вскакивают двое, один от порога кричит:

– Чем он его? Финкой или ножом? – и оба назад. А мы стоим: он стоит, и я стою. Перекрестился: «Вот будем знать, за что воевали».

Милиционеры звонят в милицию: «В сто девятом кабинете совершилось преступление! Человек истекает кровью». Весь облисполком поднялся на ноги, от входа до кабинета в два ряда стоят, ожидают, чем все кончится.

Из милиции отвечают:

– Нет машины, не на чем ехать, задержите преступника.

Приезжает «Скорая». Заскакивает капитан, высокого такого роста. «Что у него? Финка или нож?!» Тут набежало полно. И секретарь никопольского райисполкома как глянул, и тоже:

– Что у него?!

Уполномоченный поднимает пустой флакон:

– Да вот, вылил мне на голову красную тушь.

Секретарь ко мне:

– Как же так, Николай? Так опозорить человека – ему ж не выйти из кабинета!

– Получил за свою правду, – отвечаю.

Капитан:

– Что вы на него смотрите?! Немедленно в психиатрическую больницу!

Меня тут будто кто-то ударил, я упал. Заходят из «Скорой»: врач и две сестры, и к уполномоченному, а я лежу. Спрашивают его:

– Чем это он вас?

Секретарь райисполкома показывает им флакон из под туши. Врач говорит уполномоченному:

– Пойдешь в баню, отмоешься и будешь здоров, – и нагибается ко мне. Секретарь райисполкома:

– Притворяется, упал.

– Что с вами? – спрашивает врач.

– Будто кто-то стукнул в затылок. Но меня никто не бил.

Усадили на стул.

– Как вы сюда попали?

– По церковным делам.

– Дайте ему валерьянку, – говорит сестрам врач. Я принял лекарства.

– На что жалуетесь? – спрашивает он с врачебной заботой.

– Мне жалко то, что люди защищали Родину, а он называет их врагами народа. Я не мог это выдержать и облил его красной тушью.

– Зачем?

– Чтоб напомнить ему о крови. Сколько ее пролилось. А то он тут как герой сидит, в кресле. Спросите: кто его друзья?

Медсестры взяли меня под руки и повели к машине. Работники облисполкома, которые стоят, переговариваются между собой: «Хулигана ведут. Уполномоченный истекает кровью».

Привозят меня в психиатрическую больницу. Главврач глянула на плечо:

– Это что, кровь?

Рассказываю, как было.

– Ну, хорошо, будем вас лечить.

– Лечить меня нечего. Других лечите, а меня судить надо.

Она так жалостно смотрит на меня:

– Ну что ж, какие у вас есть документы, выкладывайте.

Я кладу справочку от республиканского уполномоченного, письмо от

В Задонской обители. Отец Николай делится своими воспоминаниями

Московской Патриархии. Она как увидела это, заинтересовалась. Читает нашу жалобу, а слезы скатываются.

– Не волнуйтесь, Николай Федорович, правда победит.

Я перекрестился:

– Спаси Господи, что вы так говорите.

– Ну ничего, хорошо, будем вас лечить. Раздевайтесь.

Я раздеваюсь. Заходят четыре милиционера, переодетые, в белых халатах. Расспросили, записали и отправляют меня в буйное отделение. Год тогда был 1958-й, Хрущев правил, указал местным властям: «Делайте что хотите, лишь бы церкви позакрывать».

Месяц лежу в больнице, идет экспертиза. Взяли жидкость с позвоночника – руки и ноги стали как тряпки, неделю лежал вниз лицом.

– Мы делаем то, что нам приказано. Если бы вы пришли к нам по своей воле, то мы бы вас слушали, – говорит лечащий врач.

– Николай Иванович, вы ж к помешанным меня поместили, сделали из меня сумасшедшего, – отвечаю я.

– Не волнуйтесь, через две недельки все восстановится. Только вам нельзя будет резких поворотов делать и прыжков. В трамвай или в автобус старайтесь не прыгать.

Утром по палатам ходили студенты с профессором. Профессор объясняет: «Этот на экспертизе, тут нам делать нечего». А через месяц останавливается около моей койки, подает руку: «Николай Федорович, крепитесь. Терпите ради Господа». Студенты взглянули на него как-то не так. В этот же день лечащий врач мне говорит:

– Ну что ж, Николай Федорович, жалко мне, но вас будут судить. Никакой болезни у вас нет.

– Я ж вам сразу говорил: меня надо судить.

Привозят в милицейской будке в Никополь. От Днепропетровска 120 км. Завели меня в палату, где буйные. Они как закричали: «Батюшка! Это мы болеем, что Богу не молимся!» А санитары: «Не обращайте внимания».

По ночам приходят следователи, допрашивают. Третий – такой издеватель:

– Мы у тебя за это время все дома перевернули, все письма позабирали! – вытаскивает пистолет, стучит им по столу. – Говори, какую связь имел с врагами народа?! Булганину, Маленкову писал?!

– Я их знал как руководителей страны, а если Хрущев таким же окажется, при чем здесь я? Я и Хрущеву писал.

Снова везут меня в Днепропетровск. Попадаю в камеру к уголовникам, где от одного страха можно умереть. Кругом все в железе, в цепях. На вторые сутки опять в Никополь отправляют. Получен был ответ от Хрущева. После допроса следователями за меня взялся прокурор, но разговаривал мягче.

– В чем ты нуждаешься? Можем помочь.

Я перекрестился:

– Сейчас Рождественский пост. Дайте указание, чтобы мне давали постную пищу.

Он тут же вызывает начальника охраны:

– Запишите, до какого времени он не будет принимать общую пищу.

– До Рождества Христова, – говорю я.

И мне стали носить: цибульку, пюре с постным маслом, огурчики, чай. Так сокамерники мне завидовали:

– Что это тебя отдельно кормят, а нам всякую бурду дают?

После всего этого – суд. Уполномоченный из области и секретарь райисполкома просили: «Осудите его так, чтоб он больше не вернулся».

– Вы что-нибудь к ним имеете? – спрашивает меня судья.

– Имею. Вот мы перед судом и должны говорить только правду. Скажите суду те слова, которые вы говорили, давая нам документ.

– Я жалею, что выдал его.

– Нет, вы скажите, как вы тогда говорили. Чью вы исполнили волю?

Он за прежнее. Я перекрестился:

– Я недостоин вам говорить, но Сам Господь скажет, чью вы исполнили волю. Откройте Евангелие от Иоанна Богослова восьмую главу и читайте: стих сорок третий и дальше, – а я не знал что там написано. Пришло в голову и все.

– Что ты нас учишь?! – возмутился судья. – Мы сами знаем!

– Вы знаете, так он не знает.

Судья тоже не знал, а там написано: «Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне. Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же я говорю истину, почему вы не верите Мне? Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога» (Ин. 8, 43-47).

Приговор суда был такой: две с половиной тысячи рублей уплатить уполномоченному за порчу костюма и рубашки, полторы – за мебель и пять лет тюремного заключения.

Привезли в тюрьму и начали проверять, чтоб какой шпильки или иголки не было. На мне крестик был и два образка на веревочке: Матерь Божия и святитель Николай. Охранник – раз и обрезал. Я стал возражать. Они: «Металл, металл!» – «Крестик – металл?! И Матерь Божия, и святитель Николай – металл?!»

Я отказался от пищи. Приносят сорок порций, в окошко подают, одна остается. Кто не получил? А кто ж будет отвечать. Проходит день, два, пять. На шестой день заходит в камеру дежурный и вызывает по списку. Доходит очередь до меня.

– Я не буду получать.

– А-а, так вот кто отказался. Шесть суток! Почему?

– Раз у меня крестик отобрали, Матерь Божию и моего Ангела Хранителя – святителя Николая, то для чего мне жить?

Иеросхимонах Амфилохий с духовными чадами в своей келии, г. Белая Церковь

Меня сразу к врачам. Те установили – истощение организма. А я уже шатался, и сердце плохо стало работать. Спрашивают:

– И как вы дальше думаете быть?

– Пока не отдадут, хоть умру, а кушать не буду.

Через час приходит начальник тюрьмы и подает мне забранное: «На, носи, и принимай пищу». Все так удивились: ярый коммунист, такой злой начальник и сам принес, да приказал охране: «Кто придет к нему, свидание давайте, принимайте все передачи». Господь посылал мне посылки из Киева и других мест. Положено две в месяц. А мне пришли сразу две, а через недельку еще четыре. По этому поводу вызывает начальник:

– Почему ты не сообщишь тем, кто посылает посылки, сколько тебе положено?

– А я разве знаю, откуда Господь посылает? У меня мама есть, так она и одной посылочки собрать не сможет. Когда меня осудили, приехали к ней на дом обыскивать, а у нее ничего нет, и хата такая, что вот-вот завалится.

Господь посылал мне еду по благословению моего духовного отца Серафима (Тяпочкина).

Проходило время. Я написал два письма – Патриарху и Хрущеву. В письмах слово коммунисты переправил на фамилии.

Вызывает следователь:

– Ты на кассацию подавал?

– Зачем, я ж хулиган.

– Так ты что, согласен пять лет сидеть?

– А куда я денусь? Я свое получил. А люди-то невиновны. Почему они должны лишаться церкви?

– Что ты за них безпокоишься? Вот посмотри, что люди твои пишут и просят.

– Что там они просят?

– На, читай, – подает листок бумаги.

– Я послушаю, вы читайте.

– «Наша община обращается к властям, чтоб помогли закрыть храм, так как он мешает выполнению колхозных планов».

– А кто подписал?

– Депутат.

– Один человек?

– Ну и что, за него ж все проголосовали, и он может обращаться ото всех.

– А если он против народа?

– С тобой, я вижу, каши не сваришь. Ладно. Я поеду к уполномоченному, у него документ должен быть зарегистрирован. И копия тоже. Если все будет так, твое дело может повернуться.

Через несколько дней снова вызывает: «Ты правильно написал».

В это время Хрущев, слышим, в Америке. Из Москвы приезжает в лагерь комиссия (нас там 1900 человек) и многих освобождают. «Мы не смотрим на ваши преступления, а надеемся на ваше исправление». И меня выпускают. «Не вздумай, – говорят, – еще хлопотать. И не вздумай благодарить Бога, а благодари комиссию».

Я перекрестился: «Слава Богу, что Господь послал такую комиссию». Председатель как закричит: «Выйди!..» Я вышел. Часовой спрашивает: «Ну что?» – «Выгнали». – «Подожди».

Минут через 15 вызывают:

– Чтоб мы не слышали больше о Боге – благодари комиссию!

– Слава Богу, – говорю я.

– Опять?!!

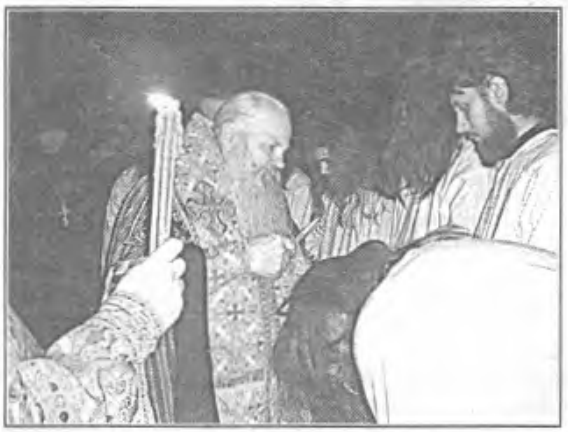
– Ну и комиссии спасибо…

А что я скажу?..

ПОДВИГ МОНАШЕСТВА

Почему для монаха важен обет целомудрия

В наш век технического прогресса, новомодернизма и демократии, когда Святая Церковь уже переступила двухтысячный порог своего существования, а мировое сообщество все больше и больше надеется на поврежденный человеческий разум, а не на Божию премудрость, как никогда актуальны слова Христа Спасителя о разделении человечества: «*Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со мною, тот расточает*» (Лк. 11, 23), – которые, увы, остаются без должного внимания даже со стороны членов Православной Церкви. Многие сегодня могут сослаться на то, что религия в нашей стране много лет была официально запрещена и гонима, и, как следствие этого, выросло не одно бездуховное и безнравственное поколение, но «*Бог поругаем не бывает, что посеет человек, то и пожнет*» (Гал. 6, 7).



Очередной постриг в Задонском Рождество-Богородицком мужском монастыре состоялся накануне двунадесятого праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы в Приснодевы Марии» 3 декабря сего года во время всенощного бдения.

Постриг восьми мантийных монахов и шести иноков совершил священноархимандрит святой обители Преосвященнейший Никон, епископ Задонский.

Кто-то может указать и на некоторые проблемы сегодняшней церковной жизни, но все это будут отговорки. Всем известно, что незнание законов, в том числе и Закона Божиего, не снимает ответственности. И ни массовые репрессии против православного народа, ни его многомиллионные жертвы ни ранее, ни сегодня, ни даже до самого Страшного Суда не могут отменить или предать забвению Святых Божиих заповедей, Апостольских правил, Постановлений Вселенских Соборов – всего того, что обязаны знать и выполнять все ее члены и сегодня.

К сожалению, духовная безграмотность современного христианина ставит зачастую перед ним не только массу недоуменных вопросов, но и создает стараниями врага рода человеческого – диавола крайне затруднительные, а порой и опасные для его души жизненные ситуации.

Недавно в Задонскую обитель обратилась одна раба Божия с необычным вопросом: «Почему у физиологически здоровой женщины, вышедшей замуж за "бывшего монаха" нет детей? Может, это Божие наказание?»

Чтобы более полно и объективно рассмотреть эту жизненную ситуацию, прежде всего надо сказать о так называемом муже этой женщины.

Слово «монах» в переводе с греческого языка означает «одиночка». При постриге монахом добровольно даются Богу следующие обеты:

1. Пребывать в монастыре и постничестве до своего смертного часа.

2. Хранить себя в девстве, целомудрии и благоговении.

3. Хранить даже до смерти послушание к настоятелю и ко всей во Христе братии.

4. Терпеть всякую скорбь и тесноту монашеского жития Царствия ради Небесного.

При пострижении в схиму – высшую степень монашества – дается еще один, пятый обет – полное отречение от мира.

Еще раз обращаю внимание читателя на то, что вновь постригаемый дает обеты не по чьему-либо принуждению, а по произволению собственной воли. В связи с этим в Церкви существуют и правила, в которых оговорены определенные действия против нарушителей этих правил, будь то монах или мирянин.

В тридцать пятом правиле Православной Церкви (толкование Никодима, епископа Далматинско-Истринского) записано:

«Если монах, отложивший святый образ, будет есть мясо, возьмет себе жену и не пожелает возвратиться, то надлежит предать его анафеме, заставить его силой облечься в монашеское одеяние и заключить в монастырь».

В Большом Требнике в разделе о монахах, в семьдесят седьмом пункте, сказано: «Монах или монахиня, если вступят в брак, то это не брак – но блуд, а еще точнее – прелюбодейство (т.е. измена Богу). Поэтому пока не разойдутся да не входят в церковь, но да отлучатся от нее по шестому правилу Василия Великого. А если они умрут без покаяния, то их не погребать, не поминать, ибо они стали чуждыми христианской жизни».

Невоцерковленному человеку эти правила, которые, заметьте, никто не отменял и никто не имеет права этого сделать, могут показаться крайне жестокими и суровыми. Но речь сегодня идет не о рядовом члене Церкви, а о монахе – человеке, который Божиим Промыслом выведен из мира (монахи живут преимущественно в монастырях – *прим. автора*) и который до конца своих дней добровольно обязуется познавать волю Божию, быть ей покорным и согласовывать с ней свою волю. Поэтому в том же Большом Требнике, в сто пятнадцатом правиле, вселенский учитель святитель Василий Великий только лишь хотящего оставить свою обитель монаха по причине желания вновь вернуться к мирской жизни или не желающего исполнять данных им обетов, уподобляет предателю Иуде,

разлучившемуся со Христом и Его учениками.

Сегодня, когда кознями диавола в лоне Церкви ведутся разговоры об упрощении христианской жизни и даже упразднении некоторых церковных правил, никому даже мысль в голову не придет возвращать вновь в монастырь обманутого и увлеченного миром, плотью и диаволом монаха. Но сами монахи обязаны знать и помнить, что данные ими обеты может изменить или отменить только Тот, Которому они их давали, то есть Сам Подвигоположник Христос Бог и больше никто другой.

Почему же так строга Церковь к монашеской жизни? Почему так высоки требования к оставившим Христа ради мир инокам? Да потому, что слишком большую цену приходится платить монаху за свое даже самое малое падение, и, как говорят Святые Отцы, «если бы кто знал, какая награда ждет монаха за гробом, то все бы стали монахами, а если бы знали, какое ждет его наказание, то никто бы им не стал». Воцерковленному человеку известно, что Святая Церковь состоит из двух частей: Небесной, Торжествующей, где находятся души людей, заслуживших вечные блаженства, и земной – воинствующей, где каждый член Церкви является Христовым воином и, по словам Апостола, ведет непрекращающуюся «*брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных*» (Еф. 6, 12). Но монахи не просто воины – они являются авангардом Христовой армии. Они есть мужественные, уже не раз испытанные в духовных бранях воины. Им Верховный Главнокомандующий – наш Спаситель – доверяет самые трудные, самые опасные и ответственные участки боя, который длится уже более двух тысячелетий и закончится только во время Второго Пришествия Праведного Судии.

Как наемного воина, Господь призвал, нанял каждого монаха, чтобы он, подвизаясь, участвовал в сражении и вышел из него победителем. Когда же святой Апостол Петр спросил Спасителя, что же ожидает тех людей, которые последовали за Ним, то вочеловечившийся Бог сказал в ответ: «*Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной*» (Мк. 10, 29-30).

Иноческий постриг

Посмотрите, дорогие братья и сестры, какую великую награду достойным ее людям обещает Господь.

Так как же тогда назвать того, кто остался равнодушным к Божиему милосердию и отказался от обещанной награды?

Безумным? Да!

Того, кто убоялся врага и покинул воинские ряды в самый разгар сражения?

Трусом? Да!

Того, кто, прельстившись лживыми обещаниями противника, оставил без помощи на поле боя своих истекающих кровью товарищей?

Гнусным предателем? Да!

Того, кто нарушил приказ Верховного Главнокомандующего и у всех на глазах добровольно бросил свое оружие и покинул поле битвы?

Преступником? Да!

Так что же в дальнейшем может ожидать этого несчастного человека?

Только лишь справедливое возмездие за содеянное!

Нет, жизни из-за безпредельной Божией любви к Своим творениям – людям он не будет лишен, но имя его, как не оправдавшего высокого доверия, будет вычеркнуто из списков победителей передовой боевой дружины.

Он не только не получит обещанной награды, но и будет подальше удален от Всемилостивого Ока своего Господина.

Он не только лишится оружия и доспехов, но его, как прокаженного, станут сторониться как высшие и низшие воинские чины, так и простые ополченцы. В итоге этот изменник вместо блестящей славы обретет на долгие годы лишь тяжкий позор, который коснется не только его самого, но и его родных и близких, и который обречет их всех на презрение и жалость со стороны других людей, бедственное существование и нескончаемые душевные муки и терзания.

Так и монах, который покидает монастырь без благословения чиноначалия ради удовлетворения своих страстей, уподобляется воину-изменнику, только не почести и славу он теряет, а более дорогое и необходимое для спасения безсмертной души – благодать Святаго Духа. Она отходит от этого несчастного, и вместо желанных радостей жизни после краткой бурной вспышки удовлетворения страстей его сердце и душу наполняет не любовь, а ненависть, не веселие, а опустошенность, тоска, отчаяние и сожаление о случившемся.

Гордость и уязвленное самолюбие не дают ему вновь вернуться туда, откуда он ушел с высоко поднятой головой. Ложный стыд не дает ему покаяться в содеянном. Падший дух, которого он послушался и который его продолжает все время оправдывать, отнимает у него последние силы для духовной борьбы и препятствует возвращению в спасительные монастырские стены.

А братия плачет и молится за заблудшую душу своего собрата.

А Отец ждет предавшего Его сына для покаяния и будет ждать до последнего его вздоха, и простит ему все, если он покается.

Счастье человеческое находится в руках Божиих. Не зря народная мудрость гласит: «Браки совершают-

ся на Небесах». Но разве может быть мужем тот, кто уже заключил брачный союз любви с пребывающим на Небесах Вечным Женихом? Нет!

Разве может быть истинная любовь в сердце того человека, который предал Саму Любовь – Бога? Нет!

Разве имеет право тварное существо, давшее своему Творцу на всю жизнь клятву верности, нарушать ее, когда ему захочется? Нет!

Разве может беглец не бояться погони и будет ли справедливо, если преступник, оставаясь на свободе, не будет наказан за свои злодеяния? Нет!

Разве может быть счастье в том доме и семье, которые проклял Сам Бог? Конечно же, нет!

Святой Пророк Псалмопевец Царь Давид за то, что согрешил с чужой женой, был после покаяния прощен Всемилостивым Богом и все же, несмотря на это, страшно наказан.

«*Ты не умрешь*,– сказал, обличая его грех прелюбодеяния, пророк Нафан,– *и Господь снял с тебя грех, но как ты этим делом подал врагам Господа хулить Его, то умрет родившийся у тебя сын*» (2 Цар. 12; 13-14). Предсказанное несчастье не замедлило исполниться...

Разве с тех пор Господь изменил Свои духовно-нравственные законы? Нет!

Несчастная женщина, не зная их, с тревогой ищет причину своей безнадетности. У нее даже и мысли не может возникнуть, что она свою жизнь связала с преступником, с человеком, прогневавшим Жизнодавца Бога, от Которого зависит и рождение человека, и его смерть.

Вряд ли она помнит о том, что «*не может дерево худое приносить плоды добрые*» (Мф. 7, 18).

И если мы будем внимательны к Слову Божиему: «*Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся*» (Откр. 3, 19), то поймем, что отсутствие у них детей в данной ситуации – это милость Божия. Да, именно милость, так как если кто-то и родился бы от преступной связи этих двух людей, то грех и проклятья его родителей пали бы и на него. Можно только предположить, что Милосердный Господь промыслительно избавил неродившегося ребенка от неизбежных мучений.

Что же можно посоветовать на будущее несостоявшейся матери? Бежать! И бежать как можно быстрее и дальше от своего незаконного и преступного сожителя, так как этот брак не может быть освящен Святой Православной Церковью. Начать самой изучать Священное Писание и святоотеческое духовное наследие для того, чтобы и в дальнейшем, если случится выйти замуж, не совершить подобной ошибки, ибо ошибка ошибке рознь, иная же стоит и человеческой жизни. Беглому же монаху необходимо вернуться в оставленную им кознями бесовскими обитель, смиренно покаяться в содеянном и с сердечным сокрушением и плачем о своем падении заново начать дело всей своей жизни – спасение безсмертной души. Помнить о том, что обеты, которые он дал при постриге, даются не людям, а Всемогущему Богу, даются не на краткое время, а навечно. Помнить о том, что они не могут быть сняты с него, как монашеское облачение, и вследствие этого слово «бывший» никогда не может иметь места в его временной земной жизни. Помнить под страхом вечных адских мучений о том, что он свою личную жизнь не должен ни с кем связывать до конца своих дней.

Помнить о том, что «*никто возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царствия Божия*» (Лк. 9, 62) и что ничего так не желает сатана, как падения монаха и особенно совершения им блудных грехов.

Помнить о том, что нет такого греха (кроме греха самоубийства), который бы по Своей Любви и Милосердию Господь не простил, а также о том, что «*до ревности любит дух, живущий в нас*» (Иак. 4, 5), и что, «*кто не с Богом, тот против Него; и кто не собирает с Ним, тот расточает*» (Лк. 11, 23).

ИЕРОМОНАХ СТЕФАН (КИСЕЛЕВ)

Чудо исцеления

Сообщаю, что я был исцелен в обители святого Тихона Задонского чудесным способом.

С 1991 года я заболел неизлечимою болезнью – «Саркоидоз Бека». Это заболевание снижает иммунную систему, любое простудное заболевание заканчивается воспалением легких. Способов лечения болезни медицина не знает.

В 1999 году по благословению схинигумена Гавриила приехал в обитель. Я – обычный грешный человек, мало уделявший времени молитве и храму Божию, пять дней жил в обители, посещал церковные службы, а в воскресенье причастился Святых Христовых Таин. Вместе с насельниками обители я посетил источник святого Тихона Задонского, искупался и выпил воды. Было это зимой, все это я проделал с одной мыслью, что мне нечего терять: все равно готовился умирать.

После вечерней службы я лег спать, но еще не успел заснуть. Внезапно на ногах почувствовал предмет очень теплый, как бы палочка, которая трижды пробежала от кончиков ног до макушки головы. Я подумал, что у меня поднялась температура за 40°, начались галлюцинации, и подумал, что утром меня похоронят.

Утром я встал здоровым человеком и отправился на послушание. И только к обеду я обратил внимание на то, что исчезли признаки очередного воспаления легких, которые мучили меня 9 лет, исчез кашель, насморк, из глаз перестали бежать слезы.

Только, приехав домой я понял, что прежняя болезнь исчезла.

Исцеление, происшедшее со мной, действительно чудесное, по молитвам Святителя Тихона, епископа Никона, схинигумена Гавриила и Всех святых.

Слава Богу за все.

Молчанов Станислав Иванович, г. Донецк

Вот Бог велик!

Велик наш Бог!
Ему хвала, честь, слава, Царство, поклонение.
Велики все Его дела и без числа благотворенья.
Он Всемогущ
И все создал из ничего единым словом,
Он жизнь всему творенью дал
И все хранит под крепким кровом.
Он Вездесущ –
Ничто, нигде без Господа не совершится,
Его десницею везде
От разрушенья мир хранится.
Живет в смиренных Он сердцах,
Он в нас любовь к добру вселяет,
Хранит смиренных, гордых в прах
Рукой всесильной низвергает.
Всеведущ Он.
И тайны нет для Господа во всей вселенной,
Пред Ним и в мраке ночи – свет.
Он знает все, что сокровенно,
Он слышит бедных скорбный стон,
Он видит души сокрушенных,
И проникает духом Он
И в тайны сердца угнетенных.
Он Милосерд.
И нет конца Его святым благодеяньям,
С любовью, с нежностью отца
Дает Он жизнь своим созданьям.
В опасностях – Он наш покров,
В печалях – наше утешенье,
Освободитель от грехов,
А в смерти – мир и избавленье.
Он Благ.
Когда в любви Своей
Он зло по правде обличает
Тогда с терпеньем, как детей,
Он нас ко благу направляет.
Когда в слезах поднимем взор
К Нему с молитвой о прощеньи,
Не скажет Он душе укор,
Очистит и подаст спасенье.
Не Он ли с детства нас питал,
Хранил, покоил постоянно,
В печалях нежно утешал,
И нас лелеял непрестанно?
Мы сами по себе ведь прах,
И жертвы грешного паденья,
Но Он находит нас в грехах,
И нам дает Свое спасенье.

Раиса, г.Воронеж

Вечер

Скажи, о чем задумалось ты, небо,
Свой свет, сокрыв как будто навсегда.
И тихий мрак влечешь ты мягкой негой,
А с ним все больше манишь и меня.
Еще чуть-чуть, и я увижу звезды,
Окутанные мраком серых дней.
Еще чуть-чуть, и я увижу звезды,
Хоть и не будет мне от них светлей.
Впустую надоело говорить,
Хочу я одного порою:
В тиши ночной про все забыть
И наслаждаться одинокой мглою.
Мне кажется часто, что я уже там,
Где вместе живут любовь и покой,
Вдалеке остались суета и гам...
Туда, может быть, и мы попадем с тобой.

Николай Алешин, г. Липецк

* * *

Что мне делать с душой, непокорной и грешной,
Так стремящейся ввысь, но летящей на дно?
А, быть может, попытки мои безуспешны,
И рожденному ползать летать не дано?

Как из гордого сердца исторгнуть все страсти,
Ум тщеславный – идеям другим покорить?
Как Небесной, Святой удостоиться части?
Или мне эту стену вовек не пробить?

Иль попытки бороться с грехом безуспешны
И барахтаться в тине всю жизнь суждено?
Что мне делать с душой, непокорной и грешной,
Так стремящейся ввысь!.. но летящей на дно?

Инокиня Любовь (Коновалова)

Вера

Вера без дел мертва!
Верь – заповедал Господь,
Чтоб, Сына Божья любя,
Тлену не дать свою плоть.
Верь – заповедал Господь!
Вера – от Рая ключи,
Где Горний Иерусалим
Света ласкают лучи!
Или, душе моя, в ад
Хочешь на веки попасть?
Верь – Сам Господь так сказал,
И мы должны не отпасть!

Ильин Илья, 13 лет

Волшебные очки

Как жаль, что теперь нет волшебниц! Они исполняли бы наши желания, – сказала маленькая Саша, рассматривая карманную зрительную трубу своей матери, которую та получила в подарок ко дню своего рождения. – Я бы знала, что спросить у них.

– Верно, такую же трубку, как моя? – заметила, улыбаясь, мать.

– Не совсем такую. Я бы желала видеть через эти стекла не одни лица и предметы, – я их и так хорошо вижу, – но я бы хотела видеть все, что кроется под ними, например, сердца людей, узнать их мысли, желания, а также, кто из них добр, кто зол.

– Я очень рада, – сказала мать, – что не имеешь таких стекол; иначе ты нажила бы себе много врагов.

– Почему же, мама? – спросила девочка.

– Неужели ты думаешь, мой друг, было бы приятно людям знать, что они не могут ничего скрыть, и что сердца их открыты пред тобою. К тому же, видя больше дурного, нежели хорошего, ты сама будешь несчастна. Погоди, мне припомнилась сказочка. Она объяснит тебе то, чего ты не понимаешь.

Давно, очень давно жил на свете некоторый человек. Он желал иметь очки с такими стеклами, каких желаешь ты, и получил их. Только, раз надевши их, он уже не мог их снять. Что же случилось?.. Сердца людей со всеми помышлениями открылись перед ним, но в них видел он больше дурного, чем хорошего. Он проникал своими стеклами в сердца самых испытанных, самых любимых друзей своих – и везде находил недостатки. Это навело на него большую грусть, он стал обращаться с ними холодно, недоверчиво; те сначала удивлялись, огорчались, не зная чему приписать такую перемену, наконец, оставили его одного. Одиночество тяготило несчастного; но он не хотел глядеть другими глазами на людей, которые все ему казались хуже его самого, и в своей грусти стал просить себе у Бога смерти. Вместо смерти явился к нему Ангел с кротким, приветливым лицом и голубыми глазами. «Я – любовь, – сказал небесный вестник, – я пришел помочь тебе и рассеять твое заблуждение. Ты ищешь в других совершенства. Но может ли найти его тот, кто сам исполнен недостатков? Рассмотри сначала твое собственное сердце и потом осуждай ближних, если посмеешь!» При этих словах ангел коснулся чудесных очков, и пред тем человеком открылось его собственное сердце, которое было гораздо хуже сердец его ближних... «Боже, какой я грешник! Прости меня!» – воскликнул он, и очки упали к ногам его.

– Люби ближнего, как самого себя, – сказал Ангел, – такова заповедь Господа. Старайся прощать другим их недостатки – и ты будешь счастлив на земле и прощен на том свете.

Человек исполнил повеление Ангела, и весь мир, все люди стали казаться ему лучше и добрее потому что он помнил то, что рассмотрел в своем сердце, и теперь, глядя на других, старался отыскивать в них только хорошие стороны и чрез это сам делался лучше и счастливее.

Поняла ли ты мою сказочку, Саша? – спросила мать. – Будем и мы с тобой смотреть на себя в те волшебные очки, а на других в простые стекла. *Нам заповедано любить ближних, а не подыскиваться под их недостатки.* Довольно с нас и того, если мы узнаем и исправим наши собственные.

Г. ДЬЯЧЕНКО
«ИСКРА БОЖИЯ», 1903 г.

Просьба не использовать газету в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. *Тираж 990 экз.*

Милостыня бо, просто от чистого сердца подаваемая, без гласа молится и более молится, нежели все человеки. Без милости нашей к ближнему, все наши неключимы дела, как древо без плодов.

Святитель Тихон Задонский